

РОМАН ГАЛКИН

ЛЕШИЙ ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОКОНУ

Здесь русский дух!

16+

2018

Роман Галкин

Леший. Возвращение к покону

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Галкин Р.

Леший. Возвращение к покону / Р. Галкин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Владыка лесов Леший волей случая попадает из мира сказочных героев в лесопарковую зону современного города нашего мира. Возмущенный отношением цивилизованных людей к окружающей природе, он решает, что волей Создателя послан в эти земли для исправления ситуации. Призвав некогда изгнанных людьми лесовиков, болотников, домовых, мавок, кикимор и прочих представителей тайного народца, владыка Леший приступает к наведению исконных порядков...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	47
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Пролог

Раннее утро. Солнце пока еще прячется за лесом, не спеша опалить жаркими лучами блестящую от росы траву и разогнать жиденький туман, стелющийся над самой водой. Из-за абсолютного безветрия неподвижная гладь озера кажется заледеневшей. Красное перышко поплавок будто бы вмерзло в это сюрреалистическое зеркало, отражающее безоблачное небо и зеленый лес, искрящийся пробивающимися сквозь него солнечными лучиками.

Два рыбака сидят шагах в пяти друг от друга, свесив босые ноги с невысокого обрывистого берега. В руках у каждого удилище из лещины. Одеты в светло серые полотняные штаны и рубахи навывпуск. Один – сухошавый, но широкоплечий блондин с аккуратно подстриженной бородкой и аристократическими чертами лица. Другой телосложением крупнее, но не грузен. Волосы темно-русые, затылок выбрит высоко, под уровень ушей. Борода солиднее, чем у блондина, но тоже аккуратная, не мужицкая.

Вот блондин встрепенулся и наклонился вперед. Находящийся перед ним поплавок слегка погрузился в воду, медленно вернулся в прежнее положение, наклонился и начал двигаться в сторону зарослей камыша. Рыбак приподнял удилище и уже готов был подсекать. Но поплавок остановился и замер, будто бы и не было никакого движения.

Прошла долгая минута. Блондин посмотрел на товарища и хотел было что-то сказать, но заметил краем глаза разбежавшиеся от полавка по воде круги и вновь сосредоточил на нем внимание. Наверняка какая-нибудь мелочь привязалась к наживке. Будет теперь терзать снасть, а вместе с ней и нервы рыбака.

Поплавок тем временем вновь стал погружаться. Делал он это медленно, еле заметно для глаза. Блондин даже прищурился, напрягая зрение, чтобы убедиться – не кажется ли ему. Однако вот уже на поверхности осталось не более полутора ногтя крашенного красным гусиного пера. Поплавок стал для мужчины центром мира, основной его частью. Да какой там основной частью? Есть только это красное перышко. Все остальное исчезло, перестало существовать, растворилось в зеркале озерной глади.

Вдруг поплавок выбросило вверх, будто оборвалась какая-то туго натянутая нить, державшая его до сих пор. Подлетев, он упал плашмя на воду, и в это мгновение Блондин резко дернул снастью, подсекая. Леска натянулась, кончик удилища, ощутив приятную тяжесть, согнулся – не такая уж и мелочь подцепилась на крючок.

– Иди сюда, мой маленький, – ласково приговаривал рыбак, плотоядно улыбаясь.

Сквозь воду блеснул серебром рыбий бок. Соппротивление усилилось, леска загудела. Еще усилие, и над водой показалась рыба морда. Хватанув воздуха, та прекратила сопротивление, и блондин уже спокойно подтащил улов к берегу.

– Я обрыбился, – сообщил он товарищу, будто тот ничего не видел. – Хороший подлещик. Такого уже и лещом наречь не зазорно. Таких бы с десяток. Завялить самое то.

– Костлявая рыбеха. Токма вялить и сгодится, – отозвался второй рыбак, бросая ревнивые взгляды на улов соседа.

Блондин сунул рыбу в плетеный из ивовых прутьев садок, насадил на крючок новое зернышко перловки и забросил снасть на прежнее место, куда еще на рассвете сыпанул пару горстей подкормки. Взгляд его сосредоточился на замершем поплавке.

Вдруг поплавок соседа без предварительных заигрываний стремительно ушел на глубину.

– Ага-ага! – воскликнул тот, подсекая и ощущая приятную тяжесть. На траву шлепнулся и забил хвостом карасик грамм на триста – тоже приличный экземпляр. – Во-от! На жареху пойдет.

Какое-то время рыбаки молча ждали новых поклевов. Поднявшееся из-за деревьев солнце заметно накалило воздух. Мелкой рябью на воде отметился легкий ветерок. На кончик поплавок блондина уселась стрекоза и замерла, расставив в стороны две пары изумрудных крыльев. Интересно, отчего эти грациозные насекомые так любят садиться именно на поплавок? Вон сколько различных тростинки торчат чуть в стороне, ближе к зарослям камыша. Нет же, надо ей сесть именно на поплавок. Может, стрекоза привлекает красный цвет?

– Чой-та не клюет. Не слетела ли перловинка с крючка? – спугнув стрекозу, блондин проверил снасть и, снова забросив, обратился к товарищу: – Слыхивал ли ты, Вий, какое диво в Кошеских владениях творится?

– Не ведаю о чем ты рекешь, друже Леший, ответил собеседник, поплеывая на сминаемый в пальцах хлебный катышек, приготовленный для наживки.

– А вот встретил я давеча Ягу. Та и поведала, будто стал к ним с Кошеским в последние дни являться некий младенец. Объявится через призыв, посмотрит эдак строго, гу-гукнет раз другой и исчезнет.

– Нешто и правда? – неожиданно живо отреагировал тот, кого звали Виём.

– У тебя клюет! – тот, который Леший, кивнул на скачущий по воде поплавок соседа. – Подсекай, раззява!

Вий машинально выдернул из воды еще одного карася и, даже не посмотрев на улов, возбужденно заговорил:

– То диво, друже Леший, и ко мне давеча являлось. Я-то мнил привиделось. Ан вишь, не ко мне одному тот младенец призыв творил.

– Нешто и ты его видел? – заинтересовался блондин, не замечая, как какая-то шустрая рыбешка затягивает поплавок в заросли камыша.

– Зрил. Да глазам своим не поверил. Где же то видано, чтобы дите грудное призывы творило? Верно ты молвишь, диво то дивное, никак иначе. Али знак какой от самого Создателя. Токма знать бы какой...

– Н-да-а... – глядя на товарища, Леший в раздумье почесал затылок. – Чой-то мне то диво не кажется?

– Может, рылом ты не вышел? – предположил Вий.

– Да-а? – обиженно подхватился блондин. – А ты, значится, вышел рылом-то? А давно ли ты, Вий, от личины премерзкой избавился, от вида которой некоторые людишки замертво падали?

– Ну, кто замертво падал, а кто и... – Вий замялся, вспомнив не очень приятную историю, когда изрядно подвыпивший княжич Илья принял его за одну из лягушек-царевен и рвался во что бы то ни стало поцеловать.

Приложивший руку к той давней истории Леший ехидно хихикнул, но заметил отсутствие своего поплавка и потянул удилище.

– Тьфу, ты, – с досадой сплюнул он, поняв, что снасть запуталась в камышах, – придется озерника звать, чтобы выпутал.

– Да ты чего?! – возмутился Вий. – Он же всю рыбу разгонит! Лучше мавку какую кликни, ежели сам замочиться боишься.

Ближе к полудню клев почти прекратился. Несколько раз широко зевнув, Вий смотал удочку, забрал садок да отбыл в свои чертоги.

Зевота передалась и Лешему. Позвав лесовика, он вручил ему улов. Уж тот-то разберется, какую рыбешку завялить, какую на жареху пустить, а какая на ушицу сгодится. Сам рыбак решил вздремнуть часок другой для усиления аппетита и растянулся на мягком коврике из зеленой травки и опавшей хвои под разлапистой сосной. Дерево, уважительно скрипя, склонило над ним ветви, дабы прикрыть владыку от жарких солнечных лучей. Пара крупных стре-

коз закружились рядом, следя, дабы какая не ведающая уважения мошка не вздумала укусить дремлющего хозяина леса.

– Гы! Гу!

– Ась? – заснувший уже Леший подскочил так резво, что сосна едва успела отклонить толстую ветвь, дабы владыка не снес ее темечком.

– Гу-гу, – из парящего облака малого призыва на опешившего Лешего не мигая смотрел младенец грудного возраста. Младенец требовательно повторил: – Гу-гы!

– Ась? – спросил владыка леса, вызвав на лице младенца гримасу раздражения. – Ты кто? Тебе что-то надо?

– Гы! – последовал раздраженный ответ.

– Тебе нужна помощь? Открыть переход? – продолжил допытываться Леший.

– Агу! – недовольство с лица малыша исчезло, но он вдруг начал удаляться.

– Эй! – пока облако малого призыва не исчезло, Леший сотворил переход и шагнул в него.

Проявившись в своем кабинете, архангел Гавриил устало опустился на пуховый диван, закинул ноги на спинку и прикрыл глаза. После последней проверки, устроенной Ильей Громовержцем, в небесной канцелярии все еще не улегся суетливый ажиотаж. Копившаяся целую вечность документация оказалась в таком беспорядке, что ее сортировка и систематизация займет не один век. От всей этой суеты, и от осознания предстоящей многовековой рутины у Гавриила опускались руки и выпадали перья из крыльев. Хотелось вот так вот лечь на диван, закрыть глаза на тысячу-другую годков...

– Гаврик!

– А! Что? – вспорхнул над диваном, задремавший было архангел, роняя сразу несколько белоснежных перьев. Узрев расположившуюся в кресле Мару, он вновь опустился на ложе. – Что случилось, Мариночка? Снова Громовержец нагрязнул?

– Нет, – простодушно улыбнулась женщина. – Илюшенька отбыл с инспекцией на другие уровни. На небесах он теперь не скоро появится.

– Да? – у Гавриила отлегло от сердца. – А, ну да. А ты по какому вопросу?

– Я, Гаврик, по поводу того Кошеева дубля, которого мы в новорожденного вселили.

– Чего опять не так? – недовольно поморщился крылатый небожитель, вспоминая о хлопотной душе, из-за которой как раз и устроил шмон Громовержец.

– Когда-то кто-то, возможно, сам Создатель, сказал, что мы в ответе за тех, кого породили, – наставительным тоном произнесла продолжающая улыбаться Мара. – Понимаешь, Гаврик?

– Нет

– Ну, и ладно. Я хочу, чтобы ты поставил маячок на тот мир, где родился младенец с душой Кошея, дабы он не затерялся среди других миров.

Зачем тебе это?

– Понимаешь, Гаврик, – женщина прижала руки к груди, – до сих пор я создавала только морфейчиков. Кощей тоже вроде бы как морфейчик, только уплотненный до материального состояния. А этот младенец, он же настоящий человек. Это мой первенец. И я хочу периодически видеть, как складывается его судьба. Понимаешь?

– Зачем? Ведь ты не имеешь власти в материальном мире? А я на твои авантюрные идеи больше не поддамся, Мариночка. Мне еще с давешним разносом от Ильи разгребаться и разгребаться.

– Фи, какой же ты скучный, Гаврик, – наморщила носик повелительница морфея. – Я же просто хочу наблюдать за нашим, между прочим, общим созданием.

– Ох, подведешь ты меня под монастырь, подруга, – архангел, кряхтя, поднялся с дивана.

– Куда подведу? – тонкие брови женщины удивленно поднялись.

– Не обращай внимания. Это я у людишек присказок нахватался, – отмахнулся Гавриил и поднял руки. Воздух перед ним сгустился и завихрился, образуя голубую сферу. Архангел вдруг нахмурился и, пристально всмотревшись в сферу, озадаченно спросил невесть кого: – а это что еще за червоточины?

– Что там такое? – заглянула через плечо Мара.

– Да будто бы кто-то шастает из ентотого мира в какой-то другой. Непорядок это. Не дай Создатель, узрит Громовержец...

– Не поминай Создателя в суете, Гаврик, – укоризненно покачала головой собеседница.

– Ладно, не досуг мне ныне с этим разбираться, – пропустил мимо ушей ее слова небожитель. – Окутаю до поры ентот мирок завесой, дабы пресечь всяческие проникновения извне. Дойдет время, разберусь с нарушителем.

Сфера поблекла и исчезла.

– Маячок-то поставил?

– Поставил, Мариночка, поставил. Мне теперь и самому ентот мирок интересен.

Глава 1

Шагнув вслед за младенцем, Леший невольно поморщился от насыщенного множеством неприятных запахов воздуха. От ударившего в ноздри смрада, он даже не сразу заметил того, кто творил к нему малый призыв. А когда увидел, то молодая женщина, держащая на руках того самого спеленутого младенца, уже скрывалась в некой ярко-желтой скорлупе. Скорлупа зарычала диким зверем, еще больше испортила воздух целым облаком смрада – куда там обитающим во владениях Лешего болотникам – и резво помчалась по каменной дороге, мощеной столь идеально, что даже острый глаз владыки не узрел ни единого шва между пепельно-черными каменными плитами.

Опешивший Леший проводил взглядом умчавшуюся скорлупу, опустил взор в грязную лужу, через которую младенец творил призыв, и растерянно почесал затылок.

– Эй, вонючка, ты как тут оказался? А ну вали отсюда, бомжара! Здесь стерильное медицинское учреждение!

Леший обернулся на властный голос, ожидая увидеть могучего витязя, и удивился еще больше. На него взирал высокомерно человечешко весьма убогого вида. Круглое гладко выбритое лицо с по-старушечьи дряблыми вислыми щеками. Реденькие волосы на лысеющей голове больше походили на пушок только что вылупившегося птенца. Впалая грудь и большой, словно у бабы на сносях, живот. Короткие ноги важно расставлены. В правой руке короткий черный жезл, напоминающий фаллос пещерного дракона. Одевание на человечешке диковинное – темно-синяя рубаша заправлена в такие же темно-синие портки, опоясанные широким кожаным ремнем. Взгляд высокомерный – не каждый государь так на свою челядь взирает.

Владыка леса еще раз окинул взглядом дивного человека, пытаясь определить, к какому сословию тот принадлежит? Кто же при таких чахлах телесах может вести себя столь важно? Разве что колдунишка какой? Да нет, не видно силы в этом убожестве. По крайней мере той силы, которая дала бы право на такое высокомерие. Да и будь в нем колдовская сила, разве б не узрел он перед собой владыку?

И тут до Лешего дошла таки истина. Он даже хлопнул себя ладошкой по лбу. Ну конечно, можно было сразу догадаться, как только черный фаллос в руках у убогого узрел. Убогий это и есть! Только убогим даровал Создатель право взирать свысока на всех без исключения. А почему не в рубище а в одеждах диковинных? И то понятно – человечешко из тех убогих, что в шуты к князьям-государям приняты.

Осознав, кто перед ним, Леший окинул взором не менее диковинные владения, у ворот коих оказался. Все говорило как о могуществе хозяина высившегося перед пришельцем то ли, замка, то ли дворца, так и о скудности его души. Могуществом веяло от каменной громады в цельных пять поверхов, да с забранными цельным стеклом окнами в сажень высотой и полторы сажени шириной. Видно, не опасается врагов хозяин, коль вместо бойниц в его замке такие огромные окна, да еще и без ставен. Да и ограда не крепостная вовсе – каменные столбы, а меж ними кованные незатейливые решетки, меж прутьев которых иной тощий малец пролезет.

Нет, явно не витязь является хозяином замка, а наверняка какой-то могущественный колдун, охраняющий владения не крепостным камнем да дружиной воинской, а сокрушительными чарами. И ежели Леший о таковом не слыхивал, знать попал он в далекие дали. Может и на другой край Мира.

Но, могущество могуществом, а убогость души колдунишки так же виделась во всем. Разве ж человек с душой воздвигнет для себя энтакую-то серость? Вот ведь, ни единой башенки с петухом, конем, али каким драконом на флюгере. Нет тебе ни ставенек расписных, ни наличников резных на оконцах. Нет ничего, что могло бы взгляд порадовать. В ином гнилом болоте жизни бывает больше, нежели в энтот замке.

Вона и буквицы над воротами, вероятно слагающие девиз владельца замка, словно деревца, с коих все веточки подчистую срубили – неестественно прямые, без единой завитушки. Знамо же, буквицы есть зримое выражение мысли разума. А мысль, она Лешему всегда красочная, да с завитушками видится. Оттого ему и не понятен начертанный над воротами девиз, хоть и буквицы узнаваемы: «ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ЦЕНТР «ЛЕСНАЯ СКАЗКА».

– Славик, пойдем чайком побалуемся, – к воротам от дворца шагал еще один шут в таком же темно-синем одеянии. На голове не шолом и не треух, а нечто вроде урюканской тюбетейки с одним жестким ухом, простертым над ликом так, будто сей человечишко прятал глаза от небес, с коих взирает на мир Создатель. Ну, да что взять с убогого? Вон и у этого тоже фаллос пещерного дракона за пояс заткнут. Тело у шута такое же нескладное, обделенное силушкой, как и у первого. Обрюзгшее лицо покрыто нездоровым румянцем. Дыхание надсадное, будто тот полдня таскал на плечах мешок пудов в пять весом.

– погоди, Антоныч, – повернулся к напарнику первый, – тут вон бомжара какой-то из леса выперся. Надо прогнать.

Когда шут повернулся, Леший увидел на его спине белые буквицы. Те были такие же безликие, как и на надвратном девизе, и слагали слово: «ОХРАНА». Такого, чтобы на человеках буквицы рисовали, он никогда ранее не только не видел, но и не слыхивал. Ох, и в далекие же земли его занесло! Вот подивятся – то собратья, когда он им о таких чудесах поведает. Чай не поверят, пока не покажет им сюда дорогу. А могли бы и сами догадаться за младенцем шагнуть.

– Человеке убогий, благостью Создателя овеванный, – шагнув к вновь повернувшемуся к нему шуту, уважительно обратился Леший, – поведай, кому сей дворец принадлежит?

– Чего-о? Кто убогий?! А ну, пошел вон, вонючка! – шут замахнулся черным фаллосом. Было видно, что ударить дивным жезлом он не решится, и замахивается лишь для того, чтобы напугать.

Пришелец принялся к собственному телу, но никакого неприятного запаха не почуял. Отчего же шут называет его вонючкой?

– Слышь, мужик, здесь не подают. Здесь медицинское учреждение. Понял? – подошел второй убогий.

– Нет, – искренне помотал головой Леший.

– Вали отсюда, пока по почкам не настучали! – снова замахнулся фаллосом первый.

– Валишь? – продолжил удивляться Леший. Реплики убогого напомнили ему то, как после возрождения стал разговаривать Кощей. Первое время мало кто мог понять, что тот имел в виду, употребляя привычные слова в совершенно непредсказуемых значениях. Однако вскоре привыкли, а после и сами не редко заговаривали аналогично. Вот и сейчас владыка леса понял в каком значении убогий употребил слово «вали», и потому лишь уточнил: – Куда?

– Откуда пришел. В лес, – уточнил шут, постукивая по ладони фаллосом.

Пришелец вздохнул – не обижать же убогих – и окинул взором чахлый лесок, окружающий владения местного колдуна, и еще раз вздохнул. Это что ж за лес такой, что он, владыка, не чувствует в нем ни зверя, ни иной твари. Только птахи малые в ветвях суетятся, да редкий мышонок прошуршит прошлогодней листвою. А деревья-то... Вона тому дубу скоро век, а его ствол запросто один человек обхватит. Так остальные деревья еще чахлее.

Провожаемый настороженными взглядами привратников, Леший прошел вдоль ограды до опушки и ступил под сень первых деревьев.

– Гля приколы! – ткнул в бок товарища один из привратников, заметив, как на плечо и голову странного пришельца сели спорхнувшие с ветвей синички. – Воробьи этого бомжа за пень ходячий принимают.

А Леший, миновав неопрятный подлесок, продолжал осматривать окружающие деревья, периодически притрагиваясь к стволам, трогая листочки, скобля ногтем кору. Несмотря на то, что в лесу не ощущалось присутствия абсолютно никакого зверья, владыка с удивлением отме-

чал огромное количество тропинок, ведущих во всех направлениях. Земля на редких полянках утоптана до каменной твердости и усеяна осколками темного и светлого бутылочного стекла, что дважды возмутило Лешего. Во-первых, негоже такому добру, из коего столько бус наделать можно, вот так бесхозно на земле валяться. Во-вторых, это кому же вздумалось мусорить в лесу? А мусору и без стекла хватало. И там, и сям валялись клочки то ли тряпиц, то ли пергамента, да таких красочных расцветок, что ими не зазорно платье иного вельможи украсить. А попадись такие клочки на глаза весянке-рукодельнице... м-да-а... В дивные края занесло Лешего.

Вот и очередная поляна, и на ней, как и на прежних, кострище посередине. Может, в этом лесу какие ритуалы колдовские нехорошие проводятся? Придумало племя местное людское себе очередного бога-идола, и приносит ему жертвы. Оттого и лес такой чахлый. Хорошо хоть костей-черепов вокруг не видно. Так может, эти стеклышки и клочки цветные и есть подношения местным богам?

А вот дымком потянуло. Накинув морок невидимости, владыка направился на звук доносящихся голосов и вскоре вышел к очередной полянке. На обрубке ствола поваленного дерева сидели, чинно о чем-то беседуя, трое мужиков, разодетых в яркие одежды, выдающие в них скоморохов. На одном был красный кафтан, на другом серый с блестящими золотом пятко-нечными звездами, на третьем и вовсе многоцветно-ляпистый. Однако колпаки с бубенцами на головах отсутствовали. Оно и понятно – не на ярмарке в сей час. У одного, у того, что в ляпистом кафтане, голова покрыта странным убором с ухом над ликом, похожим на тубетейку привратника, только круглую, словно половинка кожуры большого ореха. На земле перед человеками расстелена белая скатерка, испещренная строчками мелких буквиц и на удивление искусных образов, с коих словно живые смотрели различные лики. На скатерке лежала горка вяленых плотвиц и булка хлеба непривычно прямоугольной формы. Это кто ж такие-то караваи печет?

Рядом над углями шкворчали и аппетитно пузырились жиром нанизанные на прутики маленькие колбаски.

Один из скоморохов подвинул к себе большую красную суму и достал из нее баклажку темного стекла, наполненную какой-то жидкостью. Не иначе вином. Передав сосуд товарищу, он достал еще два, один оставил себе, другой вручил третьему мужику. С хрустом, словно ломая сургучные печати, скоморохи прокрутили пробки на коротких горлышках баклажек. На диво пробки оказались надеты сверху, а не вбиты внутрь, оттого не вынимались или выбивались, как положено, а скручивались. Отбросив дивные пробки, словно ненужный мусор, мужики припали к горлышкам и принялись поглощать питье прямо так, не наливая его в кубки, коих, впрочем, и не было.

Уже в который раз подивился леший новому диву – по мере того, как скоморохи поглощали жидкость из баклажек, тонкое стекло с хрустом прогибалось внутрь, будто то в руках у мужиков вовсе не стеклянные сосуды, а дивные бурдюки из прозрачной кожи.

Как только скоморохи оторвались от баклажек, бока тех так же с хрустом выпрямились, приняв прежнюю форму. В воздухе разнесся пивной аромат. Опять же диво – кто ж пиво не в бочки, а в столь мелкую тару разливает? Да еще и в столь чудную.

Решив, что пришла пора прояснить некоторые вопросы, Леший скинул морок, согнал с плеча синичек и шагнул на поляну.

Мужики непроизвольно вздрогнули, когда перед ними вдруг появился здоровенный детина.

– Позвольте ли, люди добрые, путнику у костра погреться? – вежливо обратился он к скоморохам.

Подозрительно взирая на него, присутствующие втянули ноздрями, будто принюхиваясь. Один спросил странное:

– Типа, так замерз, что пожрать захотелось?

– Вообще-то мы не подаем, – сказал тот, что в странной круглой тюбетейке с ухом, – но так и быть, присаживайся.

Получив дозволение, гость опустился прямо на землю возле костра и потянул носом аромат шипящих колбасок. Заметив его интерес, мужики похватали палочки с горячей снедью.

– Лови таранку, – кинул плотвицу лысый мужичок, сидевший ближе других.

– Благодарствую, – Леший поймал рыбешку, оценивающе помял, понюхал. Завялена толково. Однако пересушена излишне. А мужик тем временем достал непечатую баклажку и катнул ее по земле. – Держи пивасик и знай нашу доброту.

– Благодарствую великодушно, – кивнул пришелец, с интересом вертя в руках баклажку. Та оказалась не то чтобы твердой, аки стекло, но довольно упругой и не прогибалась, как прогибались сосуды в руках скоморохов. А давить с силой он опасался – что если дивный сосуд все же треснет и рассыплется осколками.

– Давно бомжуешь, мужик? – обратился к нему скоморох в красном кафтане.

– Ась? – не понял вопрос Леший, пытаясь содрать с баклажки пробку, сделанную то ли из дубленой кожи, то ли и вовсе невесть из чего, выкрашенного в желтый цвет.

– Давно, говорю, бомжом стал?

Вопрос для пришельца не стал понятнее, но слово «бомж», которым его обзывали еще убогие привратники, ему не нравилось. Потому он ответил одной из тех фраз, которые они с Виём и братцем Лихоней переняли у Кощея:

– Чувак, ты гонишь!

В этот момент пробка подалась и с хрустом провернулась. Баклажка зашипела рассерженной гадиной, неожиданно промялась под пальцами Лешего и брызнула из-под пробки пивными струйками. Ослабив хватку, дабы не выдавить весь напиток из ставшей вдруг мягкой баклажки, владыка содрал-таки пробку окончательно, аккуратно положил ее рядом с собой и пригубил исходящее пеной пиво. Поморщившись, отставил сосуд. Нет, это не пиво. Это невесть что только пахнет пивом. Но баклажка дивная. Надо бы выторговать одну такую у скоморохов. Предложить им злата, али самоцветов – должны согласиться.

– То-то я смотрю, для бомжа ты слишком опрятно выглядишь, – отреагировал на реплику Лешего мужик в тюбетейке. – Ты, наверное, из этих, ну, тех, что, типа, к природе возвращаются? Тебя как звать-то?

Леший хотел было уточнить, куда его собираются звать? Однако вспомнил, что такой же точно вопрос всегда задает Кощей, когда желает узнать имя собеседника. А вспомнив Кощея, владыка леса и представился так, как обычно тот его называл:

– Леха – имя мое.

– У меня, Лех, сосед был из ваших, – сообщил лысый. – Тоже по выходным босиком в лес уходил и жил там в шалаше наедине с природой. Потом каким-то не тем лопушком подтерся и месяц в больничке с язвой на всю задницу провалялся. Теперь его в лес ни за какие коврижки не заманишь.

– Гы, да то он небось цветущей амброзией подтерся, натуралист, млин, комнатный, – хохотнул носитель тюбетейки.

– Пошто лик от небес ухом прикрыл, человече? – решил прояснить вопрос Леший, указывая взглядом на странный головной убор.

Скоморохи от такого вопроса застыли с открытыми ртами, а тот, что в тюбетейке, поднял очи к уху, и вдруг, взявшись за него, резко развернул так, что теперь оно прикрывало загривок. Затем, переглянувшись с товарищами и покосившись на пришельца, постучал указательным пальцем себе по виску, будто в закрытую дверь.

– Чем тебя моя бейсболка не устраивает, натуралист? – с вызовом обратился он к Лешему.

Поняв, что неосторожным вопросом вызвал раздражение у гостеприимно отнесшихся к нему мужиков, тот попытался исправить ситуацию.

– Лишь любопытства ради спросил. Не выдывал я ранее таких тибетеек с ухом. То, видать, вы в своих скоморошских странствиях приобрели?

– По ходу, чувак обкуренный, – повернулся к товарищам лысый.

– Слышь, Леха, – носитель тибетейки вновь развернул ухо вперед, – мы мирные люди, но если нас достать, мы можем продемонстрировать свой бронепоезд. Усек? Не? Мы, может тоже пришли тут с природой уединиться. Так что не грузи нас бредятиной. Пей пиво и наслаждайся жизнью. Усек?

Леший ничего не усек, лишь еще больше смутился, не понимая, чем обидел скоморохов? Однако решил не уточнять и молча взялся за плотвицу. То, что скоморохи называли пивом, он пить не желал, потому, создав в своей руке морок баклажки, настоящую опрокинул за своей спиной, дабы гадкое пойло вытекло на замусоренную землю.

Мужики заговорили о чем-то своем. Слова в их речи в большинстве своем были понятные, но смысл фраз ускользал, как только владыка не пытался в них вникнуть. Создавалось впечатление, будто перед ним беседовала троица умалишённых. Родилась догадка, что эти скоморохи из того же дворца, который охраняют убогие привратники.

– Эй, мужик! – прервал его брезгливо-возмущенный возглас лысого. – Ну, нельзя же быть настолько натуралистом!

Заметив, что взгляд лысого направлен на землю подле него, Леший опустил глаза, увидел растекающуюся под ним лужу и почувствовал, как намокают портки. Оказалось утоптанная до каменного состояния земля отказалась впитывать вытекающее из опрокинутой баклажки пойло, и то растекалось вокруг, затекая и под зад Лешего. В общем, понятно, что со стороны это выглядело так, будто он обмочился, не снимая штанов. И что делать? Показать, что на самом деле, он обманул гостеприимных скоморохов и вылил преподнесенное ему питье? Обижать добрых людей не хотелось. Коль не признали в нем владыку, так ничего зазорного не будет и в том, ежели посмеются над конфузом, посчитав за убогого скитальца.

–Тьфу! – в сердцах плюнул в угли мужик в тибетейке, бросив туда же палочку с недоеденной колбаской. Свернув шуршащую скатерку с плотвицами и сунув ее в суму, он решительно поднялся. – Поехали, мужики, в общагу.

– Поехали, – согласился скоморох в красном кафтане. – Мало того, что лес весь засран, еще и клиенты дурдома пристают.

Лысый молча направился за товарищами.

Развевая морок, Леший подхватил настоящую баклажку, благо пойло из нее почти все вытекло, собрал забытые скоморохами пробки и поспешил за ними, чтобы отдать. Однако, когда лысый, допив напиток, отбросил свою баклажку, словно ненужный мусор, до владыки наконец-то дошло, что для этих людей сии чудные сосуды никакой ценности не представляют. Подняв бутылку – будет чем удивить собратьев, когда в свой лес вернется – снова догнал скоморохов, пытаясь разглядеть среди деревьев лошадей, на которых те собрались куда-то ехать.

– Слышь, Леха, – обернулся лысый, – ты чего за нами прешься? Дурдом в обратной стороне.

– Дурдом? – Леший посмотрел в обратную сторону, где находился тот мрачный дворец с огромными окнами и убогими привратниками, и постарался запомнить его название. Понимая, что скоморохам чем-то неприятно его присутствие, решил задать напоследок вопрос: – Поведайте, люди добрые, в какой стороне ближайшая весь али город?

– Ну точно, дурик, – хохотнул скоморох в красном кафтане.

А еще через пару десятков шагов они вышли на широкую просеку, тянувшуюся в обе стороны на сколько хватало зрения. Тут пришелец увидел новое чудо-чудное. Вдоль всей просеки тянулась насыпь из гранитного щебня. На насыпи в два ряда лежали столбы из серого

камня. Леший даже поскреб ногтем – столбы точно каменные. А на эти столбы уложены четыре толстые стальные полосы – по две на каждый ряд. И полосы эти тянулись так же от края до края видимости. Отковать такие не под силу даже волотам. Не иначе не рукодельные они, а созданы кем-то из сородичей лешего, обладающих особым даром, кем-то из тех перволюдей, коих он не встречал ранее. Да не только не встречал, а и не слыхивал о таковых. Но то не все чудо. Меж рядов каменных столбов, на коих лежат металлические полосы, стояли шагов на полсотни друг от друга огромные металлические кресты. От креста к кресту по перекрестьям тянулись отблескивающие медью нити в большой палец толщиной.

Разглядывая чудо, Леший вдруг ощутил, как сперва металлические полосы, а потом и земля под ногами затряслись. Повернув голову, он увидел, что по насыпи на него несется нечто исполинское, ядовито-оранжевое, с огромными на всю морду глазами.

Шустро отскочив в лес, пришелец накрыл себя мороком невидимости. Нет, он, естественно, не испугался. Чего ему, бессмертному, бояться-то. Но боязно все же стало. Вона с Кошеем какие непонятности творились. Некоторые первочеловеки уже и в бессмертности своей усомнились, когда слух прошел, будто наусканный Ягой Иван-царевич извел Кощея.

Скоморохи тем временем поднялись на каменную площадку и без страха взирали на приближающегося грохочущего монстра. Тот начал замедлять бег и, поравнявшись со скоморохами, вовсе остановился.

Отвесив челюсть и выпучив глаза, Леший взирал на самобеглую карету длинной с хорошую ладью, внутри которой запросто могли поместиться все жители иной большой веси, а то и городища. Двигалась та карета на четырех парах металлических колес по металлическим лентам. Почти вся верхняя половина забрана большими и кристально чистыми стеклами, отчего внутри было светло, аки снаружи, и Леший рассмотрел людишек, там находившихся. Те сидели на установленных вдоль бортов мягких креслах. Кто-то равнодушно смотрел в окно, кто-то беседовал с соседом. На вошедших скоморохов никто не обратил внимания. Впрочем, владыка усомнился, были ли его знакомцы скоморохами? Усомнился от того, что все людишки, а находилось их внутри чудо-карей не менее двух дюжин, были разодеты так же пестро. Это ж где такой большой ватаге прокормиться. Да и станут ли скоморошить те, кто владеет этаким каретой, бегающей по стальным полосам. А вона у некоторых на головах тюбетейки с ухом. А бабы-то все простоволосые, да стриженные, будто мужики. Эко дивное племя...

Для чего нужны уложенные на каменных столбах полосы, Леший смекнул сразу – с такой дорогой не страшна никакая распутица. А вот для чего нужны кресты с медными нитями, за которые карета цеплялась непонятными штуковинами? Небось, то привязь такая, дабы карета с полос не соскочила.

Карета застонала, заурчала и покатилась, погоняемая неведомой волшбой, все быстрее набирая ход. Пришелец долго смотрел вслед, пока та вновь не показалась, катясь в обратном направлении. Ан нет. То не прежняя карета возвращалась. Не останавливаясь, мимо промчалась сцепка из двух таких же карет, внутри которых тоже сидели и стояли разодетые в странные пестрые одежды люди.

Нет, Леший был не в силах переваривать такие чудеса в одиночку и, подойдя к грязной луже, сотворил малый призыв к брату Лихоне. Однако тот оказался закрыт от призыва.

– Нешто опять в спячку свалился? – почесал он затылок и попытался призвать Вия. И тот не отозвался. Затем призывал Кощея, Ягу, Мизгиря и даже лесовика, который наверняка уже поджарил пойманных с утра карасиков. Результат один – никто не отзывался, будто бы все сговорились закрыться от него.

В душе у Лешего начала зарождаться смутная тревога. Он открыл проход в свои владения, шагнул и... И осознал, что проход не открылся, а он по прежнему стоит в чахлом лесу с вытоптанной травой, а мимо с грохотом проносится очередная самобеглая карета.

Глава 2

Найдя более-менее приглядную полянку, сев на травку и привалившись спиной к стволу раскидистого клена, Леший попытался осмыслить произошедшее.

Кто тот младенец, который заманил его в эти края? Зачем его сюда заманили, закрыв обратную дорогу? Кто в силах совершать подобные деяния? Не иначе сам Создатель или его архангелы, неусыпно взирающие с небес на землю?

Честно говоря, рассуждая понятным читателю языком, Леший был материалистом и в существование сверх естественной небесной канцелярии особо не верил. Нет, он конечно допускал существование некоего сверх разума, имя коему Создатель, некогда породившего и саму землю, и населяющих ее существ. Но чтобы тот многие века неусыпно наблюдал за своим творением... А тем более, вникал в дела и чаяния каждого существа... Да ну, как говорит Кощей, на фиг! Оставим подобные сказки темным весянам и прочим смертным людишкам.

Раскинув мыслью и так, и эдак, Леший решил оставить на опосля вопрос о том, кто и каким образом запер его в чудных краях. В первую очередь надо понять – зачем? Чтобы найти ответ на сей вопрос, владыка решил мыслить, как говаривал все тот же Кощей, логически.

Вот кто он сам таков есть? Понятно же, хозяин лесов, властный над всем, что в них произрастает и проживает. Не всех лесов, ибо мир велик, но в своих краях он владыка единственный и неоспоримый. Лишь некоторые собратья имеют ограниченные угодья, в коих он позволяет им вершить свои порядки. Вот Вий, например, собрал на Ведьминой сопке самых уродливых тварей со всех окрестных лесов. Так за то Леший ему только благодарен, ибо без них что людям, что зверям жить спокойнее стало.

Но то ладно. Сюда-то его, владыку лесного, за каким пнем заманили? А не для того ли, дабы здешний лес в порядок привел? Ежели так, то работы тут непочатый край! Но прежде чем лес лечить, да заселять его зверьем и тварями лесными, следует узнать, кто учинил сие непотребство, да вразумить того злодея. А не поймет, так и силушкой принудить.

Решив так, Леший поднялся, призвал птах малых, а когда те слетелись с ветвей клена на его плечи, велел им найти местного лесовика. Птахи поднялись стайкой, защебетали, зашпорили, да принялись перелетать с дерева на дерево, увлекая владыку за собой. Путь оказался недалек, и вскоре они запорхали над кустами терновника. На фоне общей убогости, кусты выделялись пышностью и яркостью листочков.

Терновник услужливо отогнул колючие ветки, пропуская владыку к зеленой полянке, в центре которой находился старый мшистый пенёк. Взглянув сквозь морок, Леший увидел дряхлого старика, дремлющего под теплыми солнечными лучами. В его одежде из прошлогодней листвы деловито шуршал серый мышонок, перебирая листочки, дабы не оказалось среди них иного прелого.

Заметив непрошеного гостя, мышонок тонко пискнул на ухо старику и резво шмыгнул прочь.

– Ась? – разлепил веки лесовик и, подслеповато щурясь, уставился на пришельца. – Хтой-та тут?

Поднявшись с пня и опираясь на суковатую палку, он прошаркал ближе. Задрав голову, всмотрелся в Лешего, резко, едва не упав, отстранился, ахнул и грохнулся ниц, врезав лбом оземь так, что в ней, в земле, понятно, образовалась изрядная вмятина, а с окружающих кустов вспорхнули перепуганные сотрясением птахи. Приподнявшись на коленях, старик отбил второй поклон, вогнав на этот раз голову в землю по самые уши.

Испугавшись за рассудок лесовика, владыка схватил его за шкуру, приподнял и как следует тряхнул.

– Н-нешто сподобился я на закате дней своих узреть тебя, владыка Велес? – пробормотал безумец, болтаясь в воздухе. – Нешто дано будет мне узреть, как возвратятся и остальные боги?

Сообразив, что подслеповатый старик его спутал с кем-то из местных перволюдей, пришелец еще раз как следует тряхнул лесовика и опустил того на ноги.

– Стоять! – крикнул он, когда старик вновь собрался пасть ниц. – Али я царек какой людской, а ты холоп из смертных, чтобы поклоны мне отбивать?

– Воля твоя, владыка, – лесовик застыл в полупоклоне.

– Имя свое поведай мне, старче, – приказал Леший.

– Дык, какое мне может быть имя, владыка? Леший я, леший и есть.

– Чего-о-о? – брови пришельца взметнулись в крайнем изумлении. – Ле-еший? Ты-ы?

– Ага, леший я, леший и есть, – затряс бороденкой лесовик. – Али не признал, владыка Велес?

Леший вновь сгреб самозванца за шкурку и приподнял так, чтобы их лица оказались на одном уровне.

– А ты, значит, признал меня, старче?

– Признал, владыка, признал. Как же не признать-то?

– Нешто встречались мы ранее?

– Откель же, владыка? – затряс бороденкой старикашка. – Я ж токма пятый век векую. Но меня еще дед научил божественную суть распознавать. А об тебе, владыка Велес, он особо говаривал, мол, однажды наскучит тебе пиршество небесное и спустишься ты на твердь земную, дабы навести порядок в своих владениях. Дабы деревья маковками облака цепляли, Леса наполнились зверьем, зажурчали ручейки в оврагах, засмердели болота в низинах... Эх, нешто узрю я все те чудеса, о которых дед сказывал?

Леший опустил блаженно улыбающегося лесовика, а тот так и застыл, подкатив глаза, будто разглядывая некие свои мысли о предстоящем светлом будущем. Владыка еще раз смерил старика недоверчивым взглядом. Неужели и правда ему всего пятый век, или врет по слабоумию? Все знакомые лесовики уже не одну тыщу годков разменяли, но выглядят вполне справными мужичками. А энтому пню трухлявому небось пятый десяток веков, а то и поболее. То-то он весь умишко прожил, себя Лешим нарек, а лешего с каким-то Велесом попутал. Ну, так можно и подлечить лесовичка, подпитать его силушкой. Чай от владыки не убудет. Да и шишечку ему подзаряженную вручить надо, ежели умишком поправится. Пусть попользуется, и семена опять же посадит. Оно ведь звери без тварей не живут. А твари только в ельнике обитают. А елок в энтом лесу не видать. Токма сосенки, да и те чахлые, как и весь остальной лес.

Старикашка вздрогнул и дробно затрясся, когда в него потекла направляемая владыкой сила. Морщинистый лик заметно разгладился, согбенная спина выпрямилась, листочки на одежке налились зеленью.

– Вот так и ладно будет, – удовлетворенно кивнул Леший, оглядывая мужичка-лесовичка, в коем от дряхлого старикашки осталась лишь суковатая палка в руках. Да и та под взглядом владыки вся разом вспыхнула, заставив лесовика испуганно подпрыгнуть и затрясти обожженной рукой, да осыпалась серым пеплом. – Найди себе посох покрепче да попрямее, из клена или ясеня.

– Ить-ить, оп-па, – мужичек присел-встал, покрутил тазом, разминая поясницу, восхищенно крикнул. – Ды на кой же мне теперича посох, владыка? Вона ж я как молодой нонче! Э-эх, Ить-ить, оп-па!

– Посох лесовику положен, – назидательно сообщил владыка. – оно и по хребтине кого огреть опять же, буде кто безобразия в лесу творить.

– По хребтине-то? – оживился лесовик. – По хребтине-то надо! Ой, много кого тут по хребтине надо, Владыка! Вот я им покажу теперь кто в лесу хозяин! Ох и узнают они теперича, кто таков леший!

– Признал-таки, – улыбнулся пришелец.

Кого? – не понял лесовик.

– Меня.

– Ды, ясен пень, признал, владыка. Велес ты и есть.

– Тьфу ты, – с досадой сплюнул владыка, – а какого Лешего ты сейчас помянул?

– Дык, себя и помянул, владыка. Леший я, леший и есть.

Леший не врезал кулаком по макушке самозванцу только благодаря науке Кощея. Тот однажды научил, в минуту гнева задержать дыхание и сосчитать пальцы на руках. Пальцев, как и прежде, оказалось десять. Но гнев отступил.

– Запомни! – он ткнул пальцем в грудь лесовика так, что у того сперло дыхание. – Запомни, Леший здесь теперь только один! И это я! Внял?

– Ык, кхе, дык, а я? – испуганно выдавил мужичок.

– Ты есть лесовик этого убожества, именуемого лесом, – Леший повел окрест брезгливым взглядом. – И нарекаю тебя, коли в терновнике встретил, именем Терентий!

Бум-м, – это лесовик вновь пал ниц, врезав лбом аккурат в то углубление, которое выбил при первых поклонах. Но вбиться глубже не дали мясистые уши. Не то, при дарованной Лешим силушке, погрузился бы по самые плечи.

– Возношу хвалу тебе, владыка Велес, – забубнил он из углубления, – за то, что даровал мне, простому лешему безродному, имя собственное...

Леший подхватил недоумка за шкурку и зарычал ему в лицо:

– Леший здесь я! Ты – лесовик Терентий! Повтори!

– Леший здесь я. Ты – лесовик Терентий, – послушно повторил мужичок и полетел в колючие кусты терновника. Те, понятно, приняли хозяина мягко, не кольнув ни единой иголкой, и аккуратно поставили на ноги.

Лишь после нескольких бросков, при последнем из которых он все же перелетел через кусты и грохнулся оземь, лесовик наконец затвердил, что леший теперь не он, а владыка Леший, коего он величает Велесом. Сам же он теперь лесовик с именем Терентий.

– Фух. Ну, лесовика в ум-разум привел, теперича можно и лесом заняться, – облегченно вздохнул владыка, когда мужичок без запинок оттараторил, кто есть кто. – А что, Терентий, сведи ка меня с окрестными болотниками, озерниками, да мавками речными. Гляну я, нешто и они умишком тебе подобны?

– Нету нонче в округе болот да озер, владыка, – сокрушенно покачал лохматой головой лесовик.

– Это как же так-то? – не поверил пришелец. – Как же лес-то без них. Может, еще и родников окрест нет?

– И родников нет, владыка, – кивнул мужичок. Лес сам зришь какой. А ольшаник, тот и вовсе пропал.

Тут и поведал лесовик о том, что выкопали людишки невядалеке ямину бездонную, откуда руду железную достают в несметных количествах. В ту-то яму все окрестные воды и стекают. Воды людишки в лога запруженные вычерпывают, да в тех прудах рыбу, что поросей разводят. А еще воздвигля людишки град великий, в коем живет их тьма-тмушая. И ту воду, что в яму не утекает, энтот град выпивает. Оттого и ушли ключи глубоко под землю. А ушли ключи, пересохли и болота. Да и озера лесные попервой в болота превратились, а потом и совсем иссохли. Озерники да болотники со своими подопечными в те пруды перебрались, что людишки по логам напрудили.

– По началу прижились и там, став из озерников да болотников прудовиками – повествовал лесовик. – И мавок с кикиморами пристроили.

– И чего ж? – нетерпеливо поторопил Леший.

– Сила есть у людишек, владыка, жутчайшая, – округлил глаза мужичок, – лиликтричеством зовется. Так вот, иной ночью темной подкрадутся они к пруду аки тати, да как шинда-рахнут тем лиликтричеством! У мавок да прудовиков ашни чешуя в разны стороны летит, а глаза вот такенными становятся, – и рассказчик приложил кулаки к своим глазам. А рыба вся как есть кверху брюхом всплывает. Вот и подались водяные жители в дальние края.

– Нешто вовсе не осталось?

– Ежели кто и остался, то по речушкам прячется, лишний раз показаться боится. А еще пруд-озеро огромное есть по ту сторону града. Кое-кто туда перебрался в ямины глыбокии, куды лиликтричеством не достать. Там и лес посправнее. Но то угодыя другого лешего...

– Лесовика.

– Ась?

– Другого лесовика, – терпеливо поправил Леший.

– Дык, а я и говорю другого, значит, лесовика Терентия угодыя...

– Терентий – это ты! – сграбастал недоумка за шкирку владыка. – А то просто лесовик. Пока безымянный. Значит, говоришь, лес там посправнее? Так может, и звери да народец лесной обитает?

– Точно не ведаю, владыка, иначе слыхивал и там людишки всех разогнали. Да что про лес-то говорить, ежели они даже домовых из своих изб повыгоняли!

– Да ну? – не поверил Леший. – Того быть не может! Кто ж тогда их жилища от напастей бережет? Энтю ж ежели без пригляда домовых анчутки с шушунами да скрипунами озоровать начнут, они ж такой разор учинят, что и пожар не нужен.

– Хе, – ухмыльнулся лесовик, – забегала тут годков с десятков тому одна анчутка. Хотел ее палкой погнать, да она и сама не задержалась. Неслась подальше от людского града как ошалелая. Так вот, она мне поведала, будто из людских жилищ дажеть тараканы ушли!

– Да ну, – отмахнулся пришелец, – нашел, кому верить. Анчутки еще и не такого наговорят – только уши развешивай. Ну, ладно домовых выгнали. Ну, пусть анчуток одолели. Но чтоб тараканов!... Да ну. Быть такого не может!

– За что купил, за то и продаю, – развел руками лесовик. – А токма с той поры никаких вестей из града нет, будто и правда там никого из нашего племени не осталось.

Долго еще лесной житель рассказывал о разных невероятных событиях, творящихся окрест с тех времен, когда сии земли покинули боги, коими он считал перволюдей. День сменился на ночь, следом и новый день пришел, а Терентий все изливал душу, выплескивая наболевшее. Не всему владыка верил, однако лик его все больше мрачнел от понимания того, что не так-то просто будет вернуть этим краям завещанный Создателем порядок.

Но, сколько уши об росказни лесовика не грей, а дела сами делаться не будут. Вот решил Леший для начала все своими глазами узреть, в чудный град наведаться, да окрестные леса осмотреть. Поинтересовался лишь напоследок у Терентия, что за колдун такой мрачный дворец в его лесу построил? Лесовик долго не мог взять в толк, о каком дворце идет речь. Пришлось сопроводить его к объекту.

– Ента-то? Да енто ж изба-рожальня, – сообщил он, поняв, о каком дворце вопрошает владыка.

– Чего-о? Какая изба?

– Дык, в ентонь избе живут повитухи. А местные мужики к ним баб, что на сносях, рожать возят.

Леший устал удивляться как местным чудесам, так и несурязицам, но все же спросил:

– Отчего же не сообразят повитуху к роженице отвезти? Нешто дурни такие?

– Мыслю я, владыка, от великого числа рожениц. Народу ж в граде тьма тьмушая живет, а бабы знай себе рожают и рожают. Где ж на всех повитух набраться. Вот местные мужики и сговорились воздвигнуть избу-рожальню в пять поверхов, да поселить в ней повитух на содер-

жание, дабы те могли денно и нощно роды у баб принимать. Оно теперича чуть бабе срок подошел, мужик ее сюда спроводит под повитухин пригляд, а сам знай гуляет.

– Чудно как-то, – устало почесал затылок Леший, глядя на представшее в новом свете мрачное здание.

– А я и ранее слыхивал от домовых, еще в ту пору, когда они бывалочи из града навывались, будто ашни две таких избы рожальни в самом граде стоят. Одначе, не верил в те рассказы. А тута вон людишки в моем лесу такое дело построили. И дорогу к рожальне для своих машин настелили. Ох и смердит энтот ихний асфальт в иной знойный денек.

– Какой асфальт? – не понял пришелец.

– Дык, тот и асфальт, коим людишки дороги для машин мостят. А иной раз и пешие тропинки прокладывают. Вона от той дороги, по которой лиликтрический трамвай бежит такую-то тропинку к рожальне настелили.

В этот миг послышался рык и гул, и к воротам избы-рожални подкатила белая самобеглая карета. Продолжая рычать, она еще и взывала диким пронзительным ором. К воротам подбежал уже знакомый Лешему привратник. Мужик ткнул во что-то на одном из столбов, и ворота, словно по волшебству сами поползли в разные стороны. Еще раз надсадно рыкнув, самобеглая карета проскочила во двор и скрылась за зданием.

– Роженицу привезли, – прокомментировал лесовик.

– Хочу сей град увидеть, где живут люди, владеющие волшебной силой лиликтричеством, – заявил Леший.

– Я провожу, владыка, – поклонился Терентий, и перед ним замерцало облако перехода.

Глава 3

В том месте, куда сопровождал гостя лесовик, лес был замусорен еще сильнее. Но Леший обратил внимание на сей неприятный факт лишь мельком, ибо его тут же отвлек близкий не прекращающийся гул, перемежающийся с рычанием. Повернувшись в сторону звуков, он увидел мелькающие меж стволов силуэты. Сделав несколько шагов, вышел на опушку. Перед ним пролегла широкая дорога, подобная той, что он видел у лесной избы-рожални. И в ту, и в другую сторону по дороге непрерывным потоком неслись самобеглые кареты различных форм и размеров. Окрашены кареты были в непривычно яркие цвета. Порой мимо проносились настоящие гиганты, вроде тех ладей, что катались по железным полосам, коих лесовик называл трамваями. Пробегали трамваи и здесь. Леший сперва опознал кресты с медными нитями, потом узрел и железные полосы на рядах каменных столбов. Насыпь для трамваев тянулась сразу за дорогой для самобеглых карет.

– Енто утром всегда так, – подал голос лесовик. – Людишки на работу едут.

– В поля? – удивился пришелец. – Чего там в энту пору делать-то?

– Не-е. Полей нонче поблизости и не стало вовсе. Фабрики и заводы окрест понастроили.

Вот туда и едут. А еще в ямину ту, откуда руду черпают.

– Ежели полей нет, чем же кормится такая тьмуца народа? А скотина где пасется.

– Слыхивал я, владыка, везут хлебушек из заморских стран-государств в обмен на руду да на еще на всякое-разное, что людишки на фабриках-заводах мастерят. А скотина и вовсе у них не пасется, а стоит в стойлах, корма жрет, да вес набирает не по дням, а по часам.

Леший уже привычно мысленно отмахнулся от нового роя вопросов, возникших после объяснения Терентия.

– Где же град-то?

– Дык, вон он, – указал влево лесовик. – Ближе я подходить опасаясь. Ежели даже анчуток и тараканов... Одна надежа на тебя, владыка Велес.

Леший пропустил мимо ушей, что лесовик вновь назвал его Велесом. Казалось бы, давно настал предел его удивлениям. Однако то, что он увидел, заставило взметнуться брови и опуститься нижнюю челюсть.

Там, откуда неслись поток самобеглых карет, высилось нагромождение... Нет, это не замки, дворцы или крепости, и тем более, не избы. Впереди были такие же уродливые безликие строения, как и изба-рожалня. Вот только поверхов в них, судя по рядам окон, раза в два, а то и в три, и в четыре больше. Это ж каждый такой домина словно муравейник. А их вона сколько! И Леший каким-то чутьем осознавал, что видит лишь краешек великого града. Когда лесовик твердил о тьме тьмущей, проживающего в граде народе, пришелец и не подозревал, насколько тьмущая та тьма окажется...

Опасливо косясь на проносящихся мимо отвратно смердящих монстров, Леший зашагал к городу по обочине дороги. Лесовик шуршал по кустам, не решаясь выйти на открытое пространство.

– Не гневайся, владыка, – взмолился Терентий, когда до первых людских строений осталось не более пары сотни шагов, – не могу я тебя сопровождать. Ибо ведаешь сам, что не дадено мне свой лес покидать, – и уже еле слышно добавил: – Иначе еще полвека назад убеги бы подальше от энтих краев.

Леший лишь отмахнулся от лесовика, позволяя ему остаться.

– Накинул бы морок, владыка, – крикнул тот напоследок.

Пришелец и сам заметил, что люди из проезжающих машин – так лесовик называл самобеглые кареты – смотрели на него с излишним любопытством. Да и встреченная им ранее троица, которую он принял за скоморохов, тоже сразу обратила внимание на его одеяние. Однако

рядиться, словно заморский попугай, Лешему претило. Потому он просто накинул морок невидимости, исчезнув с глаз людских.

Водитель светло-серой Хонды, с интересом смотревший на бредущего вдоль дороги босого высокого блондина, одетого в какие-то лохмотья, ошарашенно вытаращил глаза, когда тот вдруг исчез, будто растворившись в воздухе. Продолжая пялиться на то место, где только что был блондин, водитель от изумления перестал следить за дорогой, и лишь в последний миг нажал на тормоза, однако, все же врезался с приличной силой в остановившийся Матис, водитель которого – пышнотелая крашеная блондинка – так же заметила исчезновение странного пешехода и от неожиданности надавила на педаль тормоза. Водитель врезавшейся в Хонду Калины исчезновение пешехода не видел, он просто задумался. Так же были погружены в собственные мысли и водители еще пяти поцеловавших друг друга в зад автомобилей. Лишь парень на дребезжащей Ладе – семерке цвета «баклажан» вовремя отвернул руль, и его «ласточка», слетев с трассы, с хрустом вломила в густой подлесок.

Остановившись, чтобы пропустить влетающую в кусты машину, Леший с непониманием смотрел на автомобильную «свадьбу», запрудившую дорогу. Он хотел было окликнуть Терентия, чтобы тот растолковал ситуацию, но того уже и след простыл. Почесав затылок, пришелец продолжил путь.

Вот по правую сторону дороги, противоположную от той, по которой шел Леший, лес закончился. Владыка увидел большое прямоугольное здание, воздвигнутое из стекла и металла. Крыши на нем, как и на всех других, высившихся за ним, то ли не было, то ли она была плоская, без скатов и коньков. Наверху стояли большие, в человеческий рост, но словно вырубленные из цельного рубина, буквы, из коих слагалось слово «КАРУСЕЛЬ». Ниже, над окнами верхнего поверха, было натянуто множество ярких полотен с непонятными для пришельца словами и образами. Перед зданием простиралась огромная площадь, малая часть которой заполнена стоящими рядами, словно в стойле, самобеглыми каретами.

На площади и возле строения Леший увидел первых пеших людей и решил подойти к ним. Однако тут же возникла проблема – как пересечь дорогу с бесконечным потоком машин. Он остановился и какое-то время размышлял над этим вопросом. Тут в потоке машин случился довольно большой интервал, и Леший шустро проскочил на середину дороги. Двигающийся со стороны леса поток оказался гораздо более редким, и пересечь его было гораздо проще. Но Лешего привлекла ярко-красная низкая самобеглая карета, чье поведение на дороге резко отличалось от остальных. Приземистая машина хищной рыбиной шныряла по дороге, обгоняя и подрезая другие автомобили. Кроме обычного рыка от нее несло низкое буханье, словно внутри били в большие барабаны. Сквозь буханье прорывалось то ли хриплое пение, то ли просто истошные вопли.

Подрезаемые автомобили визжали тормозами и возмущенно сигналили. В ответ находившиеся внутри красной хищницы парни показывали кулаки с оттопыренными средними пальцами. А растрепанная девица на заднем сиденье вдруг повернулась, задрала юбку и выставила в окно голый зад.

– А лесовик рек, будто все окрестные анчутки сбежали, – пробормотал Леший, глядя на творящееся непотребство.

Перебежав дорогу и трамвайные пути, владыка вышел на площадь. Послышалось знакомое буханье, и он увидел, как с другой стороны на площадь въехала та самая красная машина. Она не остановилась на размеченных белыми клетками стойла для подобных же самобеглых карет, а подъехала к навесу, тянущемуся вдоль всего гигантского здания. Двери кареты открылись, грохот невидимых барабанов и шаманские вопли многократно усилились.

– Я тебя не люблю! Это главный мой плюс! Я на это кино-оу-оу-о не ку-уплюсь... – истошно орал непонятное заклинание громогласный голос из красной машины.

Первыми наружу вылезли два молодца. Одеты они слишком простецко, в одни лишь по-заморски обтягивающие синие штаны и тоже обтягивающие тонкие рубахи, у одного желтая, у другого черная. Но, несмотря на казалось бы простецкое одеяние, Леший сразу определил необычайно высокое качество тканей, а значит и невероятно высокую цену таких нарядов. Зато телосложение молодцев никак не сочеталось с тем надменным выражением, которое присутствовало на их лицах. Так смотрят окрест лишь хозяева земель. Однако обладатели таких тщедушных, по-женски округлых тел никак не походили на могучих витязей, способных мечом доказать право владения.

Выползшие следом девицы поразили Лешего еще больше. Одеты так же просто, но и так же дорого. Девица с неестественно белыми волосами облачена в обтягивающие длинные стройные ноги штаны. Пришелец даже принял ее сперва за заморского выюношу, но бесстыдно обтянутая полосатой сине-белой рубахой девичья грудь выдавала истинную половую принадлежность. А вот на ее подружке, пухленькой обладательнице копны ярко-рыжих волос, была столь короткая юбчонка, что лучше бы она натянула мужские портки. Грудь рыжей так же обтягивала серая рубаха, на которой была нарисована кошачья морда, да нарисована столь искусно, что Лешему даже почудилось, будто то на груди у девицы приторочена всамделишная голова кошки.

А что более всего удивило владыку, это то, что девицы оказались самыми настоящими человеческими женщинами, а не скрытыми мороком анчутками, вроде той Василиски Прекрасной, которую Яга подсунула Ивану-царевичу.

Захлопнув двери кареты, странная четверка направилась к строению. А Леший, приближаясь, все пытался разглядеть сквозь стекла красной машины, где же там скрываются надрывающийся орун и грохочущие барабаны. Узрев внутри лишь пустые кожаные диваны, он понял, что шаманский ор и барабаны являются обычной волшбой, и потерял к ним интерес.

Проследив за покинувшей машину четверкой аборигенов, пришелец увидел новое чудо – стеклянная стена перед ними вдруг разъехалась в разные стороны и вновь сомкнулась, когда они вошли внутрь. Но то ладно, настоящим чудом было то, что почти вся передняя стена под верхними поверхами оказалась сделана из стекла. Что ж за волшебная сила в том стекле, коли оно держит на себе эдакую махину?!

Разинув рот и не обращая внимания на редких людишек, Леший зашел под навес, чтобы лучше рассмотреть стеклянное чудо, но в следующий миг отшатнулся от распахнувшихся перед ним прозрачных врат. Это что ж получается, привратник видит Лешего сквозь морок? И это притом, что сам Леший никакого привратника не видит? Нешто кто-то равный ему по силе прислуживает людишкам? Да не, не может такого быть!

– Обзовись! – строго потребовал пришелец, пытаясь найти взглядом то место, где притаился неведомый привратник.

Не дождавшись ответа, он отступил еще на шаг, и врата с легким шелестом сомкнулись. Шагнул вперед – врата разъехались, будто приглашая его войти. Отступил – врата сомкнулись.

– Волшба, – понятиливо кивнул пришелец, однако еще несколько раз шагнул туда-сюда, наблюдая за послушными створками. Остановился потому, что изнутри к вратам подошла дородная баба в темно-синих мужских портках и коротком кафтане такого же цвета. Она подозрительно обозрела открывшиеся при ее приближении створки, достала из кармана черную пластинку, потыкала в нее пальцем и поднесла к уху.

– Палыч, звякни Егорову! – непонятно кому заорала она. – Пусть пришлет наладчиков. Третьи двери сами собой открываются и закрываются.

Оглянувшись, дабы узреть того, кому орала баба, Леший не заметил вышедшего из-за подпирающей навес колонны мужичка, и тот, не видя скрытого мороком пришельца, налетел прямо на него. Ударившись лбом о плече владыки, мужичок отскочил назад, едва не шмяк-

нувшись на пятую точку, и ошарашенно уставившись в пустоту, на которую так чувствительно наткнулся.

– Чего это было? – пробормотал он и потянулся рукой.

Леший отступил в сторону, и рука мужика ничего не нащупала. Однако тот не успокоился и, медленно продвигаясь вперед, начал ощупывать пространство перед собой двумя руками.

– Нажрут с утра, клоуны, – презрительно бросила в сторону ощупывающего воздух мужика баба в портках и, покрутив пальцем у виска, удалилась внутрь здания.

Леший не понял, что она имела в виду, но жест с кручением пальцем у виска был ему знаком. Так часто делал Кошей, когда восстал в первозданном облике. Он объяснял, будто сей жест означает восхищение мудростью собеседника. Однако чем же так восхитилась эта баба?

Обойдя шупающего воздух мужика, он непроизвольно поклонился услужливо распахнувшимся вратам и проследовал за стеклянную стену. А здесь-то было чему подивиться. Начать хотя бы с камня под ногами, нарезанного ровными квадратами и отшлифованного до зеркальной глади. Леший хоть и ощущал босыми ногами, что это камень, однако присел и пощупал руками – нет, точно не лед.

А все вокруг блестело и сияло. Такого блеска не знают даже дворцы великих князей! Не иначе он попал во дворец какого-то великого колдуна-волшебника? Может, здесь обитает обладатель той самой силы, которую лесовик называл лиликтичеством? Это ж надо, чтобы все вот так-вот из стекла было! А что энтэ за штуки такие светящиеся стоят? Вона девка в одну пальцем тычет и тычет. Полоумная либо? Во, дотыкалась. Штуковина энтэ ей лоскутков каких-то цветных выплюнула, а та хватъ их и зашагала куда-то за стеклянные лабиринты. Каб-лучишами-то по камню стучит, аки кобыла подковами. Гнать бы ее отсель, пока весь пол не побила да не поцарапала.

Владыка подошел к штуковине и тоже потыкал пальцем в ее светящийся лик. Лик тот засветился разными цветами да начертал словеса непонятные. Понял Леший, что есть это идол оживленный, но бессловесный. И что-то он сейчас говорит пришелицу теми словесами, что на лице его колдовском начертались. Однако лоскутки цветные, какие той девахе отделил, не выдал.

Почесал затылок Леший, и дошло до него, что идол-то его под мороком не видит, оттого лоскутки не дает, а лишь удивляется, мол, кто это невидимый в него пальцем тычет?

– Опять оно! – вскричал кто-то, наткнувшийся на спину Лешего.

Голос-то знакомый. Ну точно, повернувшись, владыка узрел того же мужичка, что ткнулся в него перед стеклянными вратами. Отступив в сторону и наблюдая, как бедолага ощупывает воздух перед светящимся идолом, пришелец разглядел его подробнее. Роста невысокого, как и все людишки. Телосложением явно не витязь. Бритой рожей более всего на заморского книгочея похож. Одет простецки, но одежда из дорогой материи. Синие портки и короткий синий кафтан нараспашку, под которым зеленая нательная рубаха. Обут мужик в кожаные башмаки с мягкой белой подошвой из неведомого материала. В сравнении с тем, что надето на других снующих вокруг людишках, одежда не слишком броская. Подумав, владыка решил сменить морок невидимости на морок из такой одежды, дабы и никто на него не натыкался, и не отличаться одеянием от местного народца. Надо только найти укромный уголок, чтобы не вызвать ненужного удивление внезапным появлением.

Не сделал Леший и десятка шагов в поиске укромного уголка, как брови его поползли вверх от созерцания нового чуда. Перед ним находилась лестница, ведущая на следующий поверх. Ступени не деревянные и не каменные, а кованы из металла, да покрыты дорогущим заморским каучуком. Но не, то чудо, а чудо то, что порожки сами собой плыли вверх. Вот две девицы в срамных обтягивающих тощие задницы портках подошли, встали на выползающую из подпола ступень и, мирно о чем-то беседуя, поплыли вверх. А рядом-то такая же лестница, только ступени на ней вниз ползут.

– Ага-а! – снова наткнулся на зазевавшегося Лешего мужичок в синей одежде. – Вот оно! Мужик у удалось вслепую схватить пришельца за плечо, но тот вывернулся, отпрянул в сторону, и ловец невидимок снова принялся хватать воздух.

– Опять этот клоун, – недовольно проворчала как раз проходившая мимо дородная тетка и показала на мужика парню, одетому в такой же наряд, как и на ней.

Тот кивнул, подошел ближе, пристально уставился на мужика и спросил:

– Какие-то проблемы?

Ловец невидимок перестал хватать воздух, смущенно зыркнул на парня, ничего не ответив, повернулся к идолу и начал тыкать пальцем в светящуюся харю. Парень сразу отвернул лицо в сторону, будто не желая что-то видеть, и шагнул прямо на Лешего. Леший отступил, твердь под ногами поехала, и он шмякнулся задом на ползущую вверх волшебную лестницу. Парень уставился на то место, откуда донесся грохот, ничего не увидел и удивленно хмыкнул.

А владыка как сел, так и ехал вверх, ощущая гудение и перекачивание под ступенями нечто живого, по ощущениям напоминающего перекачивание мышц под шкурой гигантского полоза, на котором ему довелось прокатиться веков пятнадцать назад, когда навещал живущих за Черным Кряжем волотов. Но когда ступени начали скрываться в подполе, Лешему пришлось соскочить с чудо-лестницы и оглядеться окрест.

На этом поверхе потолки были малость ниже, однако все одно непомерно высокие. Людишек сновало поменьше. А вот стеклянные лабиринты оказались гораздо гуще. Но это лишь в сравнении с первым поверхом. А так-то в них свободно могли разъехаться две кареты. А то и три. Многие стекла украшали красочные образы, рисованные так искусно, что казались живыми. Буквицы в начертанных на стекле словесах выглядели хоть не особо затейливо, но тоже сияли яркими красками, а порой и златом. Бредя по лабиринту, пришелец видел в просторных залах за стеклами множество непонятных предметов, искать объяснения каждому из которых не хватило бы и века, а то и двух. Встречалось и кое-что понятное. Например, видел он развешанные плотными рядами кафтаны, платья, нательные рубахи и даже портки. Все это было из дорогих тканей и уже привычно ярких расцветок. Видел Леший и ряды с сапогами, чудными башмаками да по-королевски изящными туфельками. А за одним стеклом узрел множество шуб, и вновь подивился тому, что в этих краях даже рухлядь, и та изобилием цветов отличается.

По тому, как вели себя немногочисленные людишки, владыку осенила догадка, что попал он на базар. Нет, не так. Попал он во дворец-базар. Ну, не смог он подобрать достойного определения тому, что видел. Да и чем другим еще могут являться эти ряды, как не товаром, ежели людишки свободно заходят в залы, шупают все, разглядывают, да примеряют. Вона та корова не иначе умишком подвинулась. Видать мужик крепко приложил по кумполу. Ну, вот куда она на свою ножищу эту туфельку пялит?! Там же каблучок вона какой тоненький. А в корове весу пудов десять, не иначе! И где хозяин лавки? Куда он смотрит? Ему ж так весь товар попортят!

Леший хотел прикрикнуть на распоясавшуюся бабу, да вспомнил, что находится под мороком невидимости и поспешил в поисках укромного уголка. Зайдя в безлюдный тупик, он сменил невидимость на морок светло-синей одежды, какую видел на натыкавшемся, на него мужичке. Только нательную рубаху изобразил не зеленую, а красную. А что? Ежели все тут так пестро одеваются, будто дворяне заморские, то отчего же ему блекло выглядеть? Да и красная рубаха более гармонично выглядит под синим кафтаном. Только обувь, что скопировал у того мужика, владыке не нравилась. Пусть это всего лишь морок, а все одно какие-то неудобные башмаки, и подошва опять же непривычно белая. Потому он поспешил к лавке с рядами обуви.

Баба, что пялила туфельку на свою рульку, лавку уже покинула. Леший увидел, как она выходила с недовольным видом. Видать, погнал-таки ее лавочник. И поделом.

Леший мыслил просто создать на ногах морок каких-нибудь достойных башмаков, кои узрит в этих рядах. Однако когда увидел изящные сапоги из блестящей тонкой, словно змеи-

ной, черной кожи, ему захотелось непременно их приобрести. Стоят, знать, недешево. Но у него малость золотишка с собой присутствовало. А ежели не хватит, то имеется и перстенок с камешком, за который не одну пару таких сапог отдадут с радостью. А смотреться такие сапожки с его новыми синими портками будут ну очень прилично!

Владыка помял голенище, восхищаясь качеству выделки кожи неведомого ему зверя, и повернулся в поисках лавочника или его помощника.

– Девушка, – обратился он к наблюдавшей за ним девчухе в черных портках и красной неподпоясанной рубахе навыпуск, – ведаешь ли, где найти хозяина лавки?

Брови девушки полезли наверх, выражая такое удивление, будто с ней заговорил пень.

– Вам что-то подсказать? – спросила она.

Леший окинул ее взглядом и подумал, что ежели здешние бабы носят портки, то могут и приказчиком работать.

– Мне бы сапожки подобрать, – сообщил он девушке.

– Подберем, – уверенно кивнула та, положив руку на стопку берестяных коробов, – у нас есть почти все размеры. Но, извините, сапоги – это не тапочки. Их мерить надо. Вы кому берете? Жене?

– Жене? – удивленно переспросил Леший. – Нет у меня нонче жены. Да и на кой бабе такие сапоги-то? Себе, знамо, купить хочу. Али заказать, ежели готовых впору не сыщется. А такие же, токма алые имеются?

– Э-э... – отчего-то впала в ступор дивчина, переводя выпученные глаза то на покупателя, то на сапог в его руках.

– Чего тут, Насть? – из-за полок с товаром вышла еще одна так же одетая деваха.

– Э-э... – первая перевела взор на вторую. – Вот мужчина хочет сапоги купить... Себе...

– Это типа прикол, что ли? – не поняла вторая и пристально уставилась на Лешего. После пары секунд оценивающего осмотра заявила, тыча рукой в сторону выхода: – Вон там за углом магазин, «Камеди» называется. Вот идите, гражданин туда, и там устраивайте «Камеди Клуб». Понятно?

Леший ничего не понял, но на всякий случай спросил у строгой девушки:

– Там такие же сапожки, токма алые имеются?

– Имеются, – авторитетно кивнула та и забрала сапог у него из рук, – и алые имеются, и серо-буро-малиновые, и какие хошь имеются.

– Благодарствую, красна девица, – поклонился владыка и поспешил покинуть лавку, ибо не понимал, о чем ему говорят, и от того чувствовал себя неловко.

Глава 4

Леший не пошел искать лавку с красными сапогами. Он уже третий раз пытался общаться с представителями местного племени и всякий раз сталкивался с непониманием, как со стороны людишек, так и со своей стороны. Потому решил наперво присмотреться к обычаям этих земель.

Вернувшись к чудо-лестнице, пришелец вступил на ту, что ползла вниз. Теперь он ехал стоя, потому обратил внимание на каучуковый поручень, который полз змеей вслед за лестницей. Сие чудо он воспринял спокойно – уж на фоне всего остального оно и чудом-то не казалось.

Сойдя на нижний этаж, Леший потыкал пальцем в светящуюся цветными словесами харю идола. Однако тот и теперь не выделил цветных лоскутков. Зато он привлек внимание уже знакомого парня в темно-синей одежке.

– У вас какие-то проблемы? – строго спросил тот. – Вы карточку в банкомат вставить не забыли?

Вот же, почти все словеса Лешему знакомы, а о чем парень толкует, не понятно. Осталось только виновато улыбнуться, пожать плечами и пойти прочь.

Миновав одну из лавок, за прозрачными стенами которой находился неведомый пришельцу товар, он вышел в огромный зал, превышающий все ранее виденное как площадью, так и высотой потолков. От созерцания такого величия даже дух захватывало. Тут даже у такого прожженного материалиста, как Леший, зашевелилась мыслишка о деянии некоего сверх разума. По крайней мере, для обычной волшбы зрелище было слишком грандиозным. В этом зале иной град поместить можно, а то и крепостицу с парой слобод!

Народишку тут сновало изрядно, однако на Лешего никто внимания не обращал, что подтвердило как правильность выбранного им морока, так и отсутствие среди окружающих людей таких, которые способны зрить сквозь морок. Убедившись в этом, владыка принялся спокойно осматриваться окрест и наблюдать за поведением людишек.

Стоял владыка на длинной, словно дорога, площади, мощенной все тем же отшлифованным до зеркального блеска сером камнем. Мимо деловито шастали туда-сюда представители местного племени. Иные тащили в руках сумы всяческих форм и расцветок. А многие катили поставленные на колеса объемные корзины, плетенные из тонких, словно ивовые ветки, блестящих металлических прутьев. У одних корзины были пустые, у других наполненные, иной раз даже и верхом. Потянув носом аромат от корзины, которую катил мимо толстенький мужичок, Леший понял, что та наполнена явно снедью. В животе заурчало. Это ж какие сутки он уже не жрамши? Оно понятно, что владыка может и век одним чистым воздухом питаться, но для чего-то ж дадено ему получать плотские улады?

Понаблюдав, Леший определил, что наполненные снедью корзины люди вывозят через узенькие проходы между... между... Пожалуй больше всего это напоминало безколесные и безлошадные коляски, в которых восседали бабы в голубых рубахах. Бабы тщательно осматривали и ощупывали содержимое корзин, которое людишки выкладывали перед ними. Народец давал бабам уже знакомые владыке цветные лоскутки, а иногда и медные или серебряные монеты. У пришельца появилась догадка, что лоскутки использовались в качестве монет. Но самая поразительная догадка, посетившая его голову, заключалась в том, что этот исполинский зал являлся банальной продуктовой лавкой! А каковы же тогда залы для приемов и пиршеств у местных князей?!

Взявшись за одну из свободно стоявших пустых корзин, пришелец покатил ее к калиткам, через которые, как он определил, был вход в лавку. По пути, услышав возбужденные голоса,

увидел знакомую четверку из красной машины. Те о чем-то спорили с бабой в голубой рубаше, проверяющей набранный ими товар.

– Спиртное только с десяти, – твердила им баба о чем-то непонятном для Лешего.

– Ка-акое спиртное, на? – громко возмущался один из выюношей. – Мы те чо, какое-то бухло дешевое берем? Да тебе за один вот этот пузырь полгода батрачить надо!

– Спиртное с десяти, – настойчиво повторила баба.

– Да кинь ты ей лавэ, Алекс, да пойдем. Пусть после десяти пробьет, – посоветовал второй выюнош.

– Ага, как я ей кину? У меня только карточка, на.

– У меня тоже, – развел руками второй.

– Ну, долго вы эту телку уламывать будете? – капризно протянула девица с кошачьей мордой на груди.

– Спиртное с десяти, – автоматически повторила баба.

– Какие-то проблемы? – подошел парень в темно-синей одежде.

– Щас у вас тут у всех будут проблемы! – сорвавшимся на визг голосом вскричал тот, кого называли Алексом.

– Да ну их на фиг, – потянул его за локоть приятель. – Покатили, в другом месте затаримся.

– Чего-о? – возмутился тот. – Мы затаримся здесь и сейчас, понял, Лева! Тут тебе не твоя дикая Москва, понял? Это мой город, понял, на?

Услышав последнюю фразу, Леший свернул и подъехал ближе к спорящим. Уж очень хотелось ему рассмотреть ближе того, кто заявил свои права на сей чудный град. Нешто вот это чахлое недоразумение, самолично закупающее снесь в лавках, является местным князем? В такое владыке не верилось не только из-за внешнего облика визгливого выюноши, но и из-за тех брезгливых взглядов, коими одаривали скандальную компанию шастающие мимо людишки. Таков мог быть только княжеским шутлом. Тогда и его поведение, и отношение к нему окружающих становилось объяснимым.

– Да один мой звонок отцу, и этот сарай разорвут, на, пожарные, санэпидемстанция, налоговики и... и... Ты понял, на, Лева? – продолжал бушевать юнец, тыча пальцем в грудь приятеля.

– Спиртное с десяти, – в очередной раз выдохнула баба в голубой рубаше.

– У вас какие-то проблемы? – робко подступил не услышанный ранее парень в темно-синем кафтане.

На этот раз он был услышан скандалистом, и тот перевел на него налитые кровью очи.

– Чо-о? У меня проблемы? Это у тебя, мужик, проблемы! Понял, на? Ты уволен, на! И ты уволена! И ты! – выюнош поочередно ткнул пальцем в парня, бабу в голубом и подошедшего из любопытства вплотную Лешего. – Поняли, на?!

– Не понял, на, – честно покрутил головой смутившийся пришелец, на всякий случай, копируя манеру общения.

– А ты вообще вали отсюда, мужик, – сбавил тон скандалист, более осмысленно осмотрев высокую фигуру владыки.

Тот решил не гневаться на очередного встреченного убогого, коими оказались богаты здешние края, и покати свою корзину к входу в лавку.

Долго ходил Леший среди многоярусных полок, разглядывая невиданные товары. Цветные короба, шкатулки, мешочки и баклажки, исписанные словесами и образами, удивляли яркостью и разнообразием. Поражало изобилие вин, разлитых в бутылки, работы искуснейших стеклодувов. Были тут и полки с уже знакомыми пивными баклажками. Да чего тут только не было! И всевозможные колбасы, и сыры, рыба свежая, копченая, рыба пряных посолов, пряности, хлеба да сдоба свежайшей выпечки...

А людишек все прибывало и прибывало, вероятно, Леший попал сюда как раз в базарный день. А иначе, откуда столько праздного народа? И все катали меж рядов корзины, наполняя их снедью. Нешто в граде и правда живет столько людишек, что они способны сожрать все это изобилие?

Пришелец брал с полок коробки да шуршащие мешочки, щупал их, тряс и обнюхивал, пытаясь определить, что внутри. Пытался читать начертанные на них словеса, кои на первый взгляд состояли из знакомых букв, но ничего не мог понять.

А сколько фруктов-то разных заморских! А вона короба с орехами. Тут и лесной орех, и грецкий, и земляной, что из-за Цзыньского хребта везут. Видно и в урюканские края караваны ходят, ибо откуда ж еще здесь взялись сушеному изюму и кураге?

Понаблюдав некоторое время за тем, как покупатели отрывают от рулонов мешочки из тончайшей прозрачной материи и насыпают в них орехи и другую мелочь из коробов, Леший последовал их примеру.

– Что ж вы неуклюжие-то такие, мужчины? – вздохнула коротко стриженная черноволосая толстуха, некоторое время наблюдавшая, как он разрывает в лохмотья пятый мешочек. Оторвав и раскрыв новый, протянула пришельцу. – Держите уже.

– Благодарствую, добрая женщина, – с поклоном принял мешочек владыка, размышляя, не кинуть ли тетке золотую монету за помощь, или хватит и серебрухи? Но та, нарвав себе сразу несколько мешочков, уже катила свою корзину дальше, оценивая разглядывая свежие фрукты.

Решив, что если будет покупать снедь, то не более, чем поместится у него в руках, Леший закатил свою корзину меж коробами, нагреб в мешочек изюм и пошел далее исследовать чудолавку налегке, поклевывая сушеную урюканскую ягоду.

– Мужчина, – кто-то крепко взял его за предплечье, когда владыка разглядывал плавающих в большом стеклянном кубе сазанов, – пройдемте с нами.

Пришелец с удивлением окинул взглядом высокого, почти с него ростом, мужика в уже знакомой темно-синей одежде. С другой стороны его взял за локоть так же одетый кучерявый крепыш. В устремленных на него взорах сквозила непонятная злоба. Несмотря на то, что его держали за обе руки, Леший все же зачерпнул из мешочка и отправил в рот целую горсть изюма.

– Пройдемте, мужчина, – еще более настойчиво повторил высокий и с силой сжал предплечье владыки, явно намереваясь сделать ему больно.

Кучерявый тоже изо всех сил стискивал руку пришельца. Однако, несмотря на все их усилия, пока они шли вдоль полок с товарами, Леший в несколько жмень прикончил изюм, смачно его пережевывая, вызывая тем самым новые приступы непонятной злобы у сопровождающих.

Они зашли за прилавки, прошли через стеклянные двери и поднялись на три пролета по обычной каменной лестнице. Далее следовал темный коридор, и вот Лешего с силой толкнули в открывшуюся железную дверь. Вернее, попытались толкнуть. Однако простым людишкам с первочеловеком не сладить. С таким же успехом они могли толкать скалу. А пришелец спокойно шагнул через порог, с интересом разглядывая комнату, стены которой светились чем-то, на первый взгляд напоминающим множество одновременно открытых малых призывов. Только открыты они были не в плоскостях с водой, а в прямоугольных зеркалах, коими увешаны стены. И никто не взирает из них, будто открыты призывы сами по себе на пустом месте. Вид из них был такой, будто множество птах уселись под сводом продуктовой лавки и взирали сверху на суетящихся внизу людишек.

– Эко диво! – восхитился владыка и обратился к высокому: – Как сие чудо творится?

– Чего-о? – прищурился тот, проходя и усаживаясь за стол из широченной черной доски. – Закрывай дверь, Андрюха.

За спиной Лешего с металлическим лязгом захлопнулась дверь, и крепыш Андрюха прошел к парню, сидящему перед стеной с чудо зеркалами, на коего пришелец изначально не обратил внимания.

– Ну что, мужик, – высокий упер руки в стол и впериł грозный взор в пришельца, – ты понимаешь, что конкретно влип?

– Влип? – Леший посмотрел под ноги, переступил, глянул за спину и выдал фразу, которую использовал в таких случаях Кощей: – Чувак, ты гонишь!

– Макарыч, можно я объясню товарищу политику партии? – ударил кулаком по ладони кучерявый. – Я аккуратнo.

– погоди, Андрюха, – высокий поднялся из-за стола, подошел к Лешему и ткнул пальцем в сторону наблюдающего за чудо зеркалами парнишки. – У нас есть прекрасное кино про то, как ты, мужик, пожираешь килограмма два изюма. Знаешь, сколько стоит изюм? Вот умножь стоимость двух кгэ на десять и положи сюда, – тот, кого звали Макарычем, постучал по столу. – В противном случае с тобой o-очень аккуратно побеседует Андрюша, а потом я оформлю заявку и сдам тебя ментам. А уж наше начальство спишет на тебя не только два килограмма, и не только изюма. Ну что, калькулятор дать?

– Не все я разумею, что ты речешь, – ответил владыка, продолжая с интересом разглядывать показывающие живые картинки зеркала, – но мыслю, обвиняешь меня в воровстве. Будто я отказываюсь платить за съеденную урюканскую ягоду изюм?

– Во мужик загоняет! – хохотнул крепыш.

– погоди, Андрюха, снова бросил товарищу высокий и заинтересованно уставился на пришельца. – А ты, значит, платить не отказываешься?

– Нешто я вор какой? – искренне возмутился владыка и сунул руку в один из карманов скрытого мороком широкого ремня, который всегда носил под рубахой. За съеденный изюм с лихвой хватило бы одной золотой монеты, но очень уж ему хотелось разузнать о чудо зеркалах, потому он взял сразу пять монет и стопочкой выложил их на стол. Заодно постучал костяшками пальцев по черной столешнице, но так и не смог понять, из какого дерева она сделана.

– Это чего? – уставился на золото Макарыч.

– Плата за урюканскую ягоду, знамо.

– Чего это? – переставил слова предыдущего вопрошающего кучерявый крепыш.

Высокий взял одну монету, покрутил перед глазами, сгреб остальные и повернулся к парнишке.

– Ильин, иди-ка покури.

Понятливый парнишка шустро покинул помещение.

– Андрюха, – теперь высокий обратился к крепышу, – в ювелирке на первом этаже скупка лома есть?

– Только в счет оплаты товара, – сообщил тот. – Я им свои старые фиксы сдавал, когда цепочку брал.

– Значит, туфту отличать они умеют, – удовлетворенно кивнул Макарыч и протянул Андрюхе монету. – Сгоняй-ка к ним... ну, ты понял зачем?

– Понял, шеф. Сгоняю, – и крепыш выскочил из комнаты вслед за молодым.

Далее высокий продолжил рассматривать оставшиеся у него монеты, поглядывая и на пришельца. А тот по-прежнему не сводил глаз с увиденного чуда.

– Как сие чудо творится? – снова спросил владыка. – Не ведомо мне, как такие призывы творить.

– Какое чудо? – отвлекся от монет Макарыч. – Мониторы, что ли? Ты мне мозг не компостируй. Если ты мне фуфло впариł, Андрюха тебе такое чудо пропишет, век удивляться будешь.

– Оно так, – кивнул Леший, – я в этих краях столько дивного узрел, что и века не хватит все осмыслить. Как же зовется царство-государство ваше? Кто правит им? Кто сей чудный град воздвиг?

– Уймись, мужик, – пресек череду вопросов Макарыч. – Здесь у тебя под дурака косить не прокатит. Знаешь, сколько мы тут таких хитрых обломали?

– Не возьму я в толк, о чем ты рекешь? – нахмурился владыка. – За изюм я злата с лихвой отсыпал. В чем же причина твоего недовольства, купец? И не обзывай меня мужиком! Не то осерчаю.

– Да ты чо! – притворно изумился высокий. – И как же мне тебя величать?

Леший не собирался открываться неразумному человечешке, потому вновь назвался так, как окрестил его восставший Кощей:

– Леха – имя мое.

Тут в помещение ворвался возбужденный Андрюха. Косясь на пришельца, он отвел Макарыча в другой край комнаты и, явно волнуясь, зашептал ему что-то на ухо.

– Хренасе! – округлил глаза тот. – Чо, в натуре?

Вместо ответа кучерявый коротко перекрестился.

– Не, – мотнул головой высокий и протянул руку, – дай-ка монету. Пойду сам проверю.

– Слышь, шеф, – отступил в угол набычившийся крепыш, – ты и так четыре штуки загреб. Это моя.

– Да ты чего, Андрюха? – удивленно взметнул брови шеф. – я ж не претендую на твою законную долю. Просто сам хочу убедиться. А если я им для проверки сейчас другую монету принесу, они ж могут решить, что у нас тут мешок с такими же. Слухи пойдут. Оно сейчас конечно не девяностые, но мало ли.

Кучерявый зашевелил бровями, размышляя над доводами шефа, и, в конце концов, спросил:

– А если остальное рыжье лажовое?

– Логично, – после секундного раздумья согласился Макарыч. – Придется засветить еще одну монету. Ты, Андрюх, пока с этим пообщайся. Только без наездов. Его, кстати, Лехой зовут.

– Да ты чо, Макарыч? Да я ж к нему теперь со всем уважением, – заверил тот и обратился к пришельцу: – Лех, кофе будешь? Или, может, пивка, а?

Ничего не понимающий Леший проводил взглядом вышедшего Макарыча и подошел к крепышу.

– Друже Андрюха, растолкуй, чего купца Макарыча заботит? Не уразумею я что-то.

– Чего-о? – Андрюха пристально всмотрелся в лицо пришельца. – Да ты, брат, загашенный по ходу. Курнул чего? Или чем покрепче балуешься?

Владыка устало вздохнул, осознав, что добиться взаимопонимания с местным племенем будет не просто. Он в очередной раз подумал о Кошее. Тот, когда восстал, разговаривал очень похоже – почти все слова знакомы, а смысл сказанного совершенно не понять.

– Да ты присаживайся, Лех, – не унимался кучерявый, поворачивая к гостю кресло на колесиках. – Я шас кофеек соображу. Лех, у тебя при себе еще такие монеты есть? А то я могу за изюмом сгонять. Хочешь, целый короб принесу?

– Ты, Андрюха, растолкуй мне, что вот это такое? – проигнорировав вопрос о монетах, Леший ткнул в чудо зеркала.

– Это? – кучерявый уставился на мониторы так, будто только что впервые их увидел. – А, так это ж это... Око Саурана.

– Око? – Леший подошел ближе, осторожно прикоснулся к одному из мониторов, затем вновь обратился к Андрюхе: – Как творится сие?

– Так чего, Лех, есть у тебя еще монеты? – остался на своей волне кучерявый.

Еще несколько минут они безрезультатно пытались выяснить нужные каждому сведения. Наконец вернулся высокий. Лицо его выражало одновременно и радость, и тревогу. Будто бы на человека свалилось нежданное счастье, но тот опасается, как бы это счастье не оказалось коварной ловушкой.

– Алексей, – сходу нацелился он на Лешего, – рад сообщить, что у администрации нет к вам никаких претензий. Более того, вы теперь являетесь ВИП клиентом нашего магазина.

– Не понятна мне речь твоя, купец Макарыч, – на всякий случай предупредил владыка, чем на несколько секунд вогнал высокого в ступор.

– Загашеный, – глядя на шефа, кивнул в сторону пришельца Андрюха. Шеф ответил понимающими покачиваниями головы.

– Андрюха, ты побудь за меня. Я провожу товарища.

– Э-э... Шеф, я, типа, это... тоже могу проводить.

Ты чего? Я не в этом смысле! Зови Ильина, и смотрите тут в оба за залом! – строго прикрикнул на подчиненного Макарыч и, растянув губы в улыбке, взял под локоть Лешего. – Пойдемте, уважаемый, я вас провожу.

– Как око творить, растолкуешь? – спросил у сопровождающего владыка, выходя из помещения и бросая последний взгляд на чудо зеркала.

– Это вам, Алексей, – Макарыч подхватил увесистую суму из тончайшей полупрозрачной материи, напоминающей невероятно гибкую слюду, когда они покидали лавку через небольшие самые обычные двери.

– Что это? – полюбопытствовал Леший, не понимая, с чем связана неожиданная смена отношения к нему купца. А тот теперь даже обращался к владыке на вы, словно к понтляндскому дворянину.

– Презент, – Макарыч распахнул суму, позволяя заглянуть внутрь. А там лежали прозрачные мешочки с изюмом, курагой, черносливом, различными орехами и еще невесть с чем, несомненно, заморским и наверняка дорогим.

Польщенный и смущенный пришелец вопросительно посмотрел на того, кого принимал за купца, пытаясь понять, искренен ли тот в благорасположении к нему, или желает что-то потребовать взамен.

– Я донесу до машины, – услужливо заявил тот, видя, что Леший не собирается забирать у него подарок. – Ваша машина на стоянке, Алексей?

– Леха – имя мое, – напомнил владыка, которому надоело, что собеседник называет его Алексеем.

– Э-э, не вопрос. Я сам люблю по-простому. Ты на машине, Лех, или пешком.

– На машине?

Последовал короткий диалог непонимающих друг друга людей, в ходе которого Макарычу удалось-таки выяснить, что богатый посетитель не имеет личного автомобиля, и он предложил отвезти его, куда тот скажет, на своем. Леший, подумав, решил, что не нуждается в сопровождении человечки, речь которого не всегда понятна, а помыслы неведомы и подозрительны, и вежливо отказался, однако приняв суму с заморскими яствами. Но и сам решил отблагодарить, и снова сунул руку в кармашек на поясе. Пальцы зацепили металлическое колечко, заряженное силой. Любой колдун за такое колечко насыпал бы целую гору заморских яств, потому Леший, после секундных сомнений, запустил пальцы в другой кармашек и выудил самый обыкновенный золотой перстень с простым бриллиантом размером с крупную горошину. Хватит и такого отдарка этому человечке.

– Прими в знак благодарности моей, купец Макарыч, – вложил он перстень в руку нового знакомого.

– Это чо? – Макарыч поднес перстень к глазам, внимательно рассматривая камень, и те в изумлении расширились. – Это брюлик?! Слышь, Лех, ну его на фиг. Забери. Я еще пожить хочу, и желательно на свободе. А за такие вещи и голову снести могут.

Но Леший уже призвал лесовика и, открыв переход на его поляну, покинул онемевшего от увиденного Макарыча. Из ослабших пальцев выпал перстень и, ударившись о металлическую решетку, провалился в сточный желоб. Бриллиант от удара вылетел и закатился в наметенную ветром кучку мусора под поребриком.

Так как дело происходило в заднем дворе гипермаркета у служебного входа, обзор к которому перегородивала стоявшая рядом фура, то кроме начальника охраны, коим и являлся Евгений Макарович Черных, невероятное исчезновение высокого блондина в джинсовом костюме больше никто не увидел.

Глава 5

Оказавшись на окруженной терновником поляне, Леший первым делом попытался сотворить переход в собственные владения. Однако не вышло. И из собратьев на призывы никто не откликнулся. Отчего же легко получилось сотворить малый призыв к Лесовику Терентию и затем создать переход на поляну? Сие пониманию владыки было недоступно. Зато переходы к известным Лешему местам в данной местности призывались, как говаривал Кощей, без проблем. Ради эксперимента он сотворил переход к избе-рожалне, к поляне, на которой встретил скоморохов, и к тому месту на заднем дворе огромной лавки, где расстался с купцом Макарычем. Тот все еще был там, но появление пришельца не заметил, ибо, стоя на четвереньках, усердно перебирал грязь в сточной канаве. Подивившись такому поведению знакомого, Леший вернулся к Терентию.

Терентий крошил челюстями грецкие орехи, которыми его угостил владыка. Он засовывал их в рот целиком и перемалывал вместе со скорлупой. Леший хотел было пояснить, что есть, как и в лесном орехе, надо только ядрышки, но, видя лучащееся блаженством лицо лесовика, мысленно махнул рукой. Однако на всякий случай отсыпал тому еще и вяленого чернослива.

Ожидаемо лесовик не смог дать пояснения ни на один из вновь появившихся вопросов. Да и откуда ему было что знать, ежели он никогда не покидал пределов своего леса, а тайный народец, некогда сосуществовавший, вместе с людьми, уже половину века как покинул не только град, но и окрестные земли, и во владения лесовика не заглядывал, вестей не приносил.

А ведь Леший и побывал-то только на окраине неведомого града в одной только лавке, которая величиим превосходит любой из виденных ранее дворцов. Что же встретит его далее в самом граде, там где высятся громады более великих дворцов, сравнимых лишь с неприступными скалами, о твердыню коих разбиваются исполинские волны Великого Моря?

В конце концов, владыка принял решение искать проживающего в граде человека, способного внятно растолковать ему все о здешних реалиях. Решение это возникло не само по себе, а было принято благодаря воспоминаниям опять же о восставшем Кошее. Тот восстал с душой и памятью чистыми, аки у младенца. Хотя, были причины, заставляющие Лешего сомневаться в той чистоте. Но, то что Кощей ничего не помнил из собственного прошлого, это точно. И повезло тому встретить в чащобе заплутавшего княжича Болтомира Заозерского, который взял на себя заботу о просвещении Кошее, не ведая, что перед ним один из перволюдей, от которых пошел весь род человеческий.

Дело за малым – найти поводыря, подобного кошееву Болтомиру.

Приняв решение, владыка призвал переход на задний двор лавки.

Водитель погрузчика, перевозивший стопку деревянных поддонов, ошарашенно выпучил глаза, когда увидел появившееся марево и вышедшего из него высокого блондина в джинсовом костюме. Опомнился он только тогда, когда погрузчик пробил рогами стекла салона «Мазды» начальника охраны, засыпав ее поддонами.

Посмотрев на свершившееся столкновение, Леший непонимающе хмыкнул, пригладил аккуратную бородку и пошел в обход фурры.

Площадь перед фасадом гигантской лавки оказалась почти наполовину заполнена самобеглыми каретами. Те непрерывно то подъезжали, то отъезжали. Народишку тоже суетилось изрядно. Кто-то только шел в лавку, кто-то уже выкатывал наполненные снедью и прочим товаром корзины, и перегружал их в сундуки, находившиеся, как и положено, в задней части самобеглых карет.

Пройдя сквозь людскую суету, Леший двинулся по мощеной тесаным серым камнем тропе вглубь града. Подойдя к первому дворцу, он остановился и задрал голову, считая по окнам, сколько в нем поверхов.

– Мужчина, что вы встали посреди дороги?! – спросил визгливый голос.

Отвлекишись от подсчета, он обернулся и увидел необъятную бабищу, в обеих руках у которой было по несколько слюдяных сумок, набитых снедью. За ее спиной пыхтел так же нагруженный сумами мужик. Габариты мужика лишь малость уступали теткин. А та снова взвизгнула: – Чего вы встали, мужчина?

– Поверхи считаю, – указал на дворец взглядом Леший, размышляя, отчего и эта баба ему выкает, будто понтляндскому дворянину? Может дело в одежке, которую он на себя накинул? Но баба вдруг заговорила по-простому.

– Чего-о? – протянула она, прищулив правый глаз и покраснев щеками. – А ну, дай пройти! Встал тут как столб!

Леший поспешно отступил на травку от двинувшей на него громадины. Вместе с ним с тропы пришлось сойти и еще полудюжине человек, идущих навстречу. Грузный мужик верным псом пропыхтел за хозяйкой.

Предположив, что мощеные тропы в граде настелены лишь для особой категории граждан, пришелец решил до прояснения вопроса больше по ним не ходить, и далее двинулся по островкам не мощеной земли, заросшим однообразной низкой овсянкой, по которым пролегли привычные протоптанные тропинки.

Теперь владыка не обращал внимания на людишек, ибо не мог оторвать взор от высившихся вокруг дворцов. Впрочем, эти громадины на дворцы вовсе не походили. Несмотря на исполинские размеры, не было в них духовного величия, будто воздвигали их не мастера, а нерадивые подмастерья, выбивающие прессом одинаковые кругляши, из коих потом настоящий мастер скрепит искусную броню. А еще дворцы-громадины чем-то напомнили Лешему муравьиные кучи, иные из которых могли превышать даже его рост. Так и казалось, что из ровных рядов окон сейчас полезут людишки и начнут ползать по стенам, будто мураши.

Вдруг владыка повел носом, втянул воздух ноздрями, гадливо сморщился и опустил взор. Его брови поползли вверх от увиденного. В полудюжине шагов впереди, выгнув спину, будто бойцовый кот, гадило на тропу существо, в котором он не сразу опознал пса. Светлая розоватая шерсть настолько короткая, что тело псыны кажется по-поросячьи лысым. Задранный торчком крысиный хвостик. Короткие мощные челюсти. Выпученные и налитые кровью от натуги глаза. Брыластая морда неестественно приплюснута, словно ее вмяли молотом. Таких уродцев Леший видывал и ранее. Изредка их привозили купцы, посещающие Туманный Остров. Некогда изгнанные на него друиды славились тем, что любили извращать даваемые Создателем первообразы зверья. Потому внешний вид хвостатого недоразумения пришельца не удивил. Удивил его тот факт, что оно гадило прямо на тропу, аки неразумная травоядная скотина. А пес именно не метил тропу, обозначая свое присутствие, а зловонно гадил. Эдакое поведение хищного зверя не могло уложиться в понимании владыки.

Чуть в стороне, на другой тропе, мощеной тесаным камнем, стоял мужик в красных шароварах и белой натальной рубашке, обтягивающей мускулистый торс. Он перебирал в руках искусно скованную цепочку саженной длины и с умилением, с каким родители наблюдают за играющим младенцем, смотрел на гадящую псыну.

Поняв, что перед ним хозяин лупоглазого недоразумения, Леший строго спросил:

– Пошто дозволяешь псу на тропе человеческой гадить? Пошто не убьешь скотину неразумную, дабы не оставила семя подобного?

– Ч-чо? – мужик от неожиданности выпустил один конец цепи, и та звякнула о мостовую. Глаза его выпучились в сторону пришельца точно у тужащегося пса.

– Пошто твой пес на тропе гадит?! – еще строже спросил Леший.

– Ты чо, мужик, охренел? – продолжая выражать взглядом непонимание, хозяин пса собрал цепь втрое и хлестанул получившейся плеткой себя по икре.

– Не называй меня мужиком, – потребовал Леший. – Леха – имя мое.

– Юра, что тут случилось? – от ближайшего крыльца к ним спешила стройная высокая девица в обычной для здешних земель одежде: узких черных портках и голубой рубаше, бесстыдно обтягивающей высокую девичью грудь.

– Опять на нашего Джоника наезжают, – обиженным тоном пожаловался девице здоровяк.

– Чего-о? – с вызовом уставилась та на пришельца. – Что вас не устраивает, мужчина?

– Пошто пес на тропу людскую гадит? – несколько смутившись от созерцания обтянутых тонкой материей девичьих прелестей, повторил владыка.

– Гадит? – прищурившись, переспросила девица. – Это наша-то собачка гадит? Да какашки Джоника на газонах выглядят куда гармоничнее и естественнее, чем та гадость, которую разбрасываете вы!

– Я? – поднял брови Леший.

– Вы-вы, – кивнула девица. – Вам десяток шагов до урны сделать лень, забросали бычками все вокруг. Банки, бутылки, бумажки и прочее дерьмо кто разбрасывает? Собаки? А какого хрена вы вообще по газону топчетесь? Лень обойти по тротуару? Спешите? Дай вам волю, вы все газоны вытопчете и мусором завалите! Собаки вам мешают? Вам мозги собственные мешают!

Леший не понимал агрессии девицы, но каким-то чувством ощущал правоту ее слов. Отчего смутился еще больше.

Пес тем временем закончил свое дело, облегчено нарезал круг по траве, лишь после этого несколько раз шаркнул задними лапами, отдавая долг сохранившемуся инстинкту, требующему закопать следы жизнедеятельности, и только тут ощутил в общающемся с хозяевами человеке владыку. Подобострастно взвизгнув и завиляв крысиным хвостом с такой скоростью, что задние лапы едва касались земли, он подбежал к пришельцу и преданно уставился ему в глаза.

– Джоник, фу! – не поняла намерений питомца девица и, подбежав, схватила его за ошейник. – Юра, дай поводок!

Хозяева хозяевами, но зачем же мешать псу выказать преданность самому владыке? Питомец возмущенно рыкнул и для остротки клацнул мощными челюстями перед лицом девицы. Та испуганно шарахнулась от собаки, едва не шмякнувшись на задницу.

– Чо за хрень? – не понял пассажи Джоника здоровяк Юра и замахнулся на него сложенной втрое цепью.

Пес, в котором проснулся зверь, опередил хозяина, и его челюсти едва не сомкнулись на запястье мужика. Но вмешался Леший. Лево́й ладонью он шлепнул Джоника по лбу, сбив того наземь, а правой поймал цепь, сжав ее в кулаке с такой силой, что звенья сплывились в один бесформенный ком.

Мужик несколько секунд тупо пялился на исходящий жаром металлический комок, болтающийся на остатках зажатой в его руке цепи. Но вот жар дошел по звеньям до ладони, и здоровяк отбросил изувеченный поводок и затряс обожженной рукой, на которой начали вздуваться волдыри.

– Что с тобой, Юра? – подскочила к нему девица. В ее голосе сквозила паника.

Все четверо фигурантов не понимали, что происходит. Мужик с девкой переводили затравленные взгляды то на непонятого высокого блондина, то на взбунтовавшегося пса, то на дымящийся в траве кусок металла, в который превратился поводок Джоника. Джоник скулил у ног владыки, неистово желая хоть чем-то тому угодить. Леший клял себя за то, что опять вперся со своим покоем в чужой уклад. Проанализировав гневную речь девицы, он

сделал вывод, что местному люду положено ходить по мощеным дорожкам. А чтобы отучить иных вытаптывать травку, местные псы гадят на вытоптаных в неположенных местах тропах. Теперь он глянул на четвероногую тварь даже с некоторым уважением – не всякий зверь додумается так хитро приучать людишек к порядку. А с виду мозгов не больше, чем у рыбы. Почуввав волну благорасположения, пес от счастья напустил под себя лужу.

– Каюсь пред вами, люди добрые, – переступив на мостовую и разведя руки, склонил голову Леший. – не по злomu умыслу, а токма по дремучести своей нарушил ваш покон. Готов искупить вину златом али службой, какой посильной.

Про службу он сообразил в последний момент, помыслив, что ежели эта парочка возьмёт его в работники, то у него появится возможность через них скорее ознакомиться с реалиями здешних земель. Но те испуганно отступили от незнакомца, лишь со стороны казавшегося хрупким интеллигентишкой, а когда подошел вплотную, то мало того, что оказался на голову выше, так еще и в плечах широк, и разведенные в стороны ладони не уступали размерами совковым лопатам.

– Пес же отныне будет служить вам обоим преданно, и от службы сей не отвлечёт его даже течной суке, – снова подступил пришелец и смиренно спросил: – Так чем откуп брать будете? Златом али работою?

– Слышь, мужик, – загородил собой девицу хозяин пса, продолжающий морщиться от боли в обожженной ладони, – мы к тебе без претензий.

– Не называй меня мужиком! – снова построжал ликом владыка, нависнув над здоровяком и в очередной раз повторяя: – Леха – имя мое! А длань твою излечу, коли столь нежен ты, что не вмоготу терпеть такую пустяковину.

– Юра! – панически взвизгнула девица, заставив испуганно прибавить шаг снующих мимо прохожих, которые старательно отводили взоры, показывая, что чужие разборки их не касаются.

Но Леший уже сжал в своей лапище тоже немаленькую ладонь Юры, и того передернуло, будто от электрического разряда. Освободив руку, мужик с изумлением уставился на по-младенчески нежно-розовую кожу ладони, где не осталось и следа от ожогов.

– Это чо такое, мужик? – поднял он взор на пришельца. – Гипноз?

– Леха – имя мое! – насупил брови тот.

В это время перед крыльцом, от которого пришла девица, взвизгнула тормозами и остановилась большая черная самобеглая карета. Из нее вылез похожий ликом на хозяина пса такой же крепкий мужик.

– Юрок! – радостно крича, направился он к ним. – У меня сын родился! Ленка, ты представляешь, у меня сын родился.

Крепыш сгреб девицу в охапку и пару раз прокрутился с ней вокруг своей оси с такой скоростью, что Юра, Леший и какой-то случайный прохожий едва успели отскочить от просвистевших в воздухе девичьих ножек. Поставив ошалевшую Ленку наземь, счастливый отец обнял Юрия и, продолжая кричать о рождении сына, гулко заколотил того кулачищами по спине.

– Колян, чертяка, задушишь, – сдавленно прохрипел хозяин пса, вырываясь из могучих объятий.

Отпустив его, Колян обратил свою неудержимую радость на следующего знакомого:

– Джоник, псина ты вонючая, у меня сын родился!

Джоник опасливо поджал хвост и шустро юркнул за ноги владыки. Счастливый отец перевел взор на пришельца и, широко улыбаясь, врезал тому ладонью по плечу, крича:

– Брателла, у меня сын родился!

– То добрая весть, – улыбнулся в ответ владыка и легонько шлепнул Коляна в ответ, отчего того лишь отбросило на шаг в сторону, но совсем с ног не сбило. Достав золотую монету, он протянул счастливцу. – Прими на колыбельку.

– Что это ? – принял монету Колян, все еще немного ошарашенный от ответного тумака.

– Злато, знамо, – пояснил Леший. – В наших землях принято на рождение сына дарить монетку на будущие доспехи, а ежели дочурка, то на колыбельку кладут перстенок на приданое.

Вообще-то, заведено было дарить медную монету, но медь Леший отродясь с собой не носил, а серебруху не стал давать, надеясь златом расположить к себе нового персонажа.

Колян непонимающе посмотрел на Юрия. Тот в ответ пожал плечами, но на всякий случай представил:

– Это Леха.

– Ну, спасибо, Леха, – протянул для рукопожатия руку Колян и, уже потрясая отдавленной ладонью, безапелляционно заявил: – Сегодня, Леха, ты не можешь не выпить за моего сына!

Глава 6

Леший не очень понимал, куда пригласил его Колян, но отказывать не стал, предположив, что предстоит участие в какой-то местной церемонии, посвященной рождению наследника. А ему-то как раз и хотелось скорее вникнуть в обычае здешних краев, чтобы точнее определиться, с какой миссией послал его сюда Создатель.

И вот владыка уже расположился вольготно на мягком кожаном диване в самобеглой карете, оказавшейся внутри хоть и богато убранной, но слишком тесноватой. Видать, не слишком богатого рода Колян. И не понятно, какого они с Юрием сословия? То ли бояре, то ли купчишки, то ли еще кто. Ясно только, что не из черного люда. А то, что здесь все друг друга именуют без сословных регалий, Леший приметил еще при посещении торгового дворца, такое название он подобрал для гигантской лавки. Вот и сам он запросто по именам обращался к братьям, и те принимали это как должное.

Что Колян с Юрием родные братья, пришелец узнал от словоохотливого владельца самобеглой кареты, пока младший брат, как он сам выразился, заскочил домой переодеться. Девушка Елена с ними не поехала, заявив о нежелании смотреть на какие-то пьяные рожи. Мол, она придет посмотреть на новорожденного, когда некий Николай привезет домой некую Наталью.

– Баба с возу, кобыле легче, – подмигнул Лешему Колян, кивнув в сторону поднимающихся на крыльцо девушки Елены, послушного пса Джоника и Юрия, несшего сплавленную в комок цепочку, которую он прихватил, как выразился сам, на сувенир. Девушка все оглядывалась на пришельца и что-то шептала Юрию. Тот отвечал ей успокаивающим тоном про какой-то обычный гипноз, поглядывая на прихваченный «сувенир».

Когда младший брат вернулся, то сел спереди на место слуги, старший же занял место кучера, ибо он и приехал сюда, самолично управляя машиной. Этот факт подтвердил мнение, что не слишком-то они знатного рода.

Пока ехали, Леший наблюдал за тем, как ловко Колян управляет чудо каретой, крутя из стороны в сторону нечто похожее на тележное колесо, выполняющее, как несложно догадаться, роль вожжей. При этом он не понукал машину окриками или плетью, но та словно улавливала его помыслы, когда надо замедляла бег, а когда и неслась с немыслимой скоростью.

Мимо проплывали гигантские многоповерховые дворцы, но пришелец отмечал их лишь краем внимания, поглощенный изучением машины и желанием понять, как людишки управляют эдаким чудом. Оттого-то он и не встретил здесь ни единой лошади или захудалого ослика, что эти животинки вовсе непотребны местному народу. Вона как легко и быстро бежит черная карета Коляна. Везет сразу троих, да и еще столько же увезет, ежели не более. И кормить, небось, не надо. Надо бы выведать, откуда та волшебка происходит, что заставляет карету саму катиться. Небось, одного рода чудо, что и те лестницы, которые сами вверх-вниз ползут.

Тем временем дворцы остались позади, и вдоль дороги потянулись терема в один-два поверха более привычных глазу Лешего форм. Во двор одного из теремов они и заехали. Колян предварительно пискнул в сторону ворот каким-то амулетом, и те степенно распахнулись, пропуская замедлившую ход машину.

Огромный лохматый пес радостно зазвенел цепью, встречая хозяина. А когда из самобеглой кареты вылез владыка, едва не выломавший дверь, пока разобрался, как она отворяется, кобель и вовсе изошелся щенячьим визгом. Лешему такие большие и лохматые собаки нравились, и он подошел к псу. Трепя одной рукой его за загривок, позволил признательно лизать телючьим языком вторую руку.

– Э-э! – испугался было Колян за руки гостя, когда увидел, как тот тянет их к его питомцу. Но когда пес, прищурив глаза, начал лизать ладонь блондина, хозяин только и смог вымолвить: – Фигасе...

– я ж тебе говорил, гипнотизер, – толкнул брата в бок Юрий. – Мой Джоник аш писался перед ним от радости.

– Первый раз собачьего гипнотизера вижу, – покрутил головой Колян. – Лех, а ты Лекса каким-нить командам обучить можешь? Я забашляю, если чо.

Леший обернулся к хозяину пса, непонимающе подняв брови. Видя вопрос в его взгляде, Колян повторил:

– Ты можешь мою псину научить выполнять команды?

– Какие команды, не возьму в толк?

– Ну, хотя бы самые простые. Типа, «сидеть», «лежать», «рядом».

– Нешто такому учить надо? – удивился Леший. – Это ж пес, а не человек. Ему такие знания с молоком матери даются. Вот ежели б ты попросил научить егоклады чують, то такой подарок могу тебе на рождение сына сделать.

Братья переглянулись, будто спрашивая друг у друга, как относиться к словам странного гостя.

– Зрю, прислуга хозяина у крыльца не встречает. Мыслью, все у хозяйкиной светелки собрались, дабы в радости подле присутствовать, – меж тем отошел от пса пришелец, – Вышла ли уже матушка к людям, али слаба еще?

Братья снова переглянулись.

– Лех, ты по-человечески изъясняться можешь? – поинтересовался Колян.

– Нешто я не по людски реку? – нахмурил брови владыка, расстраиваясь от того, что в очередной раз не может найти взаимопонимания с местным людом.

– Ты про моего Лекса что скажешь? – хозяин потрепал по холке пса, а тот, высунув язык, не сводил преданного взгляда с пришельца, вызывая чувство ревности у Коляна. – Научишь его команды выполнять?

– Нечему его учить. Но, повелеваю, – отмахнулся Леший. – Так же повелеваю иклады искать.

– Прикальываешься, что ли? – обиделся на гостя Колян.

А ты проверь, – подступил к брату Юрий, до сих пор сомневающийся в реальности того, что этот высокий блондин проделал с его Джоником, а затем с цепью, после чего мгновенно залечил ожоги на его ладони.

– Лекс, сидеть! – гаркнул Колян.

Пес мгновенно повиновался. После повеления владыки, он буквально пожирал преданным взором хозяина.

– Лекс, лежать!

Лекс лег, старательно подметая огромным пушистым хвостом и без того чистую тротуарную плитку.

Следующие несколько минут отпущенный с цепи пес старательно выполнял всевозможные команды, половина из которых не пришла бы в голову самому креативному кинологу.

– Леха, а мой Джоник тоже так сможет? – спросил Юрий, обалдело наблюдая, как собака брата, намочив тряпку под поливочным краном, который сама открыла, елозит ею по крыльцу, толкая передними лапами и старательно протирая террасную доску.

– Нешто это псова служба? – укоризненно покачал головой Леший и ответил Юрию: – Джоник твой дурной породы и близко не ровня Лексу. Но я ему, как Кошей рекет, мозги вправил. То, что псу положено, исполнять будет.

– Брателла, вот это ты удружил! Вот это я понимаю, гипноз! – оставил, наконец, в покое питомца Колян. – Я ж когда Натахе такое покажу, она глазам не поверит! Слышь, а этот гипноз не пройдет? Он насовсем? Чего я тебе за это должен, брателла?

– Ты чо, Колян, – толкнул брата Юрий, – Леха же сказал, что это подарок.

– Чувак, ты гонишь, – на всякий случай вставил Леший, не понимая о чем речь, но уловив эмоциональную волну.

– Ну спасибо, Лех! – Колян признательно стиснул руку гостя, после чего показал на блестящее от усердий Лекса крыльцо: – Прощу в дом, пацаны.

Дом удивил пришельца не только необычным убранством, но и тишиной, будто все слуги уснули, утомленные родами хозяйки. Не почуял он и ни домового, ни шушуна, ни кого другого из тайного народца, живущего подле людей.

– Негоже, когда в тереме домового нет, – наставительно сообщил он хозяину. Без домового и анчутка поселиться может, а у тебя младенец родился. Да и шушун, ежели поселится, то без строгого пригляда почище анчутки набедокурит. Негоже без пригляда-то.

Колян на секунду завис. Потом махнул рукой.

– Не забивай мне голову, Лех. Юрок, ве́ди Леху в зал. Я щас поляну накрою. У меня сын родился, а я еще ни в одном глазу!

Пока Леший осматривал убранство светлой комнаты, Юрий взял с маленького столика короткий жезл и ткнул им в сторону стены, на которой вместо ковра висело нечто матово-черное, отблескивающее, будто вороненая сталь. Оно тут же засветилось, и владыка ахнул, узнав око, подобное тем, что зрил в горнице купца Макарыча. Только это око было такой величины, что в него запросто мог, пригнувшись, протиснуться он сам. Глядя прямо ему в глаза, из ока о чем-то вещала красна-девица с не по-бабски коротко остриженной головой. Пришелец хотел было укорить девицу, мол, негоже тараторить, аки сорока, не поприветствовав добрых людей, но Юрий снова ткнул жезлом, и у лешего отпала челюсть, а в груди сперло дыхание. Перед ним под звуки бубнов, гуслей, дудок и еще каких-то неведомых инструментов пели и дико отплясывали полдюжины девиц в настолько срамных одеяниях, что на это нельзя спокойно смотреть. Однако и взор оторвать не было сил.

– Достала эта попсня, – с легким пренебрежением Юрий снова ткнул жезлом. – О, футбол! Лех, ты футбол уважаешь?

Леший выдохнул, отойдя от вида вызывающе одетых и не менее вызывающе плясавших девиц, и с непониманием воззрился на суетливо мечущихся по зеленому лугу выюношей, одетых в срамные коротенькие портки. Такой одежкой только садомитов привлекать. Владыка с подозрением покосился на Юрия, с интересом наблюдающего за действием через волшебное око. А не было в том действе ничего понятного для разума владыки. Ни воинского танца, ни молодецкой битвы на кулачках.

– Выпивон-закусон подан, пацаны! – оповестил Колян, вкатывая столик на колесиках, заставленный яствами. Подкатив к дивану, взял запотевший графинчик и наполнил мутной жидкостью три стопки. В воздухе распространился аромат хрена. – Самолично на хренке настаивал. Ну, пацаны, вздрогнули! У меня сын родился!

Леший поднял вслед за братьями стопку, дивясь столь малому бокальчику и с укоризной думая, что за рождения сына даже черный люд пьет из более объемистой посуды. А такими-то хрустальными наперстками и удариться молодецки не ударишься, так, чтобы вино из кубка в кубок плеснуло. М-на, непонятный народец. Опять же, виданное ли дело, вино из хрена делать...

Повторяя движение новых знакомцев, владыка аккуратно чокнулся с ними хрустальной стопочкой и выплеснул ее содержимое в рот. В следующее мгновение мысли в его голове остановились вместе с дыханием. Выпучив глаза, он наблюдал, как братья синхронно захрустели солеными огурчиками.

– Поставь стопку, Леха. Чего держишь? – хозяин снова разливал огненную хреновину, поясняя: – За сына пьем три без перекура.

– С наследником тебя, братишка! – провозгласил Юрий, и мужчины опрокинули по второй дозе.

Братья вновь захрустели огурчиками, а остолбеневший гость осознавал мудрость местных обычаев, позволяющих пить из мизерных бокальчиков. Что было бы, разливай хозяин адское пойло по привычным Лешему кубкам, он и помыслить не мог.

– Давай, Лех, скажи что-нибудь, – воткнул ему в руку вновь наполненную стопку Юрий.

Пришелец понял, что от него требуется произнести здравицу в честь новорожденного. Тут как раз дыхание возобновилось, и он поднял обманчиво маленькую стопочку.

– Поднимаю сей... к-хм... бокал, за народившегося волей Создателя славного витязя...

– Леший вопросительно уставился на состоявшегося отца, – Имя-то дал младенцу?

– Давно, – губы того расплзлись в счастливой улыбке, – Федором назвал.

– За Федора! – завершил вместо Лешего Юрий.

– Фух, – выдохнул Колян после третьей стопки. – Ну, теперь можно малость закусить. Лех, ты чего стоишь, как столб? Падай на диван. Мечи все, на что взгляд упадет. Икорку сам намазывай, хоть на хлеб, хоть на ветчину. Маслятки вот рекомендую маринованные. Это у меня теща насчет грибочков мастерица. Буженинка вот, колбаска. Оно бы картошечки отварить не помешало... Но это когда Натаху из роддома привезу, тогда конкретный стол будет. Слышь, Лех, ты мне номерок свой оставить не забудь. Я тебя с мужиками познакомлю. Они тебе не хилые бабосы отслюнявят, если ты с ихними сабакеллами такой же сеанс гипноза проведешь, как с моим Лексом.

– Благодарствую, – не совсем понимая, о чем ему говорит Колян, владыка опустил на диван и подозрительно осмотрел яства. Слишком уж маленькими кусочками и тоненькими пластинками было все нарезано. Даже хлеб и тот не горбушками, а пластинками тоньше пальца. А маслята – шляпки с ноготок – кто ж такие собирает? Энто ж грибы, а не ягоды. Тоже и икорка красная в кругленькой жестянке на разок ложкой зачерпнуть. Как бы не крылась в столь малых дозах та же ловушка, что и в хрустальных наперстках... Вот бросит он сейчас масленок в рот, а тот... Но братья-то уминают за обе щеки. Глядячи на них у Лешего рот наполнился слюной. У автора, кстати, тоже. Но последний факт к сюжету отношения не имеет.

– Держи! – Колян положил на хлеб пластик ветчины, присыпал сверху икрой и вручил гостю. – А то, я смотрю, ты какой-то нерешительный. Будь проще, Лех.

– Благодарствую, – принял бутерброд Леший и, сглотив слюну, целиком отправил его в рот.

– Во! – одобрил действие гостя хозяин. – А то сидишь как пень. Давай наворачивай. Ага, и вот это попробуй. Во, правильно! Видал, Юрок? Ты, как лошара масленок вилкой по тарелке гонял, а Леха жменей загреб и в рот. На, Лех, салфетку. Э! Эй, брателла, ты чего? Это ж не лаваш, это салфетка. Я тебе ее дал руку вытереть. Юрок, ты где этого гипнотизера откопал?

– Леха прикалывается, не видишь, что ли? – пояснил брату Юрий. – Наливай еще по стопарику! Сколько можно жрать?

После огненной хреновины Колян принес графин со жгучей перцовкой. Понятно, что сменившая ее настойка на кедровых орешках воспринялась пришельцем аки родниковая водица. Впрочем, к кедровочке он уже достаточно освоился в новой компании и вел себя относительно непринужденно. Да и братья привыкли к завихрениям его речи и иной раз даже пытались подражать. Оценил Леший и мелкую нарезку. Так-то даже ловчее кидать в рот, нежели вгрызаться в кусман той же буженины, пачкая усы и бороду, и размазывая жир по щекам. А ежели маловат ломтик покажется, так можно наложить стопочкой всего разного, запихать в рот, прижать языком к небу, выдавливая соки... М-м-м, благодать-то какая!

– Уважаю! – покачал головой Колян, глядя как в пасти гостя исчезает огромный многослойный бутерброд, и отправился в очередной раз «подрезать закусона».

В процессе застольного общения Леший всячески пытался выяснить, почему в тереме акромья них никого не видно и не слышно? Где прислуга? Где сама хозяйка? Ежели слаба еще после родов, так можно и самим к ней в светелку наведаться. А пошто младенец ни разу не

крикнул? И почему те людишки, что из волшебного ока вещают что-то непонятное, не поздравляют Коляна с рождением сына? Ежели бы он не понимал, что око есть подобие призыва, и видятся в нем лишь образы, а не сами людишки, так бы и шарахнул молнией промеж глаз вот ентому картавому в клетчатом кафтане, что с умным видом морщит лысину.

В конце концов, владыка выяснил таки, что Колянова супружница разродилась не дома, а в некоем роддоме. Тому пришелец не удивился, ибо вспомнил и про избу-рожальню, и про нехватку повитух на каждую роженицу в чудо-граде, где в теремах-муравейниках обитает тьма тьмущая народу. Удивило и возмутило другое – отца не пустили к роженице, не дали в руки родную кровинушку появившегося на свет сына.

– Негоже терпеть такое! – взмахнул кулачищем владыка, намереваясь треснуть по столу так, чтобы ашни щепки дубовые полетели. Однако вовремя сообразил, что перед ним не дубовый стол, а чахлое недоразумение на колесиках, по которому бить нет совершенно никакого удовольствия. Опустив длань, указал перстом на хрустальный наперсток: – Наливай, Колян! Опрокинем по кубку и пойдем сына твоего нареченного Федора навестим.

– Не вопрос, брателла. Ик. Только я за руль выпимши не сяду, – предупредил Колян, целясь из графина в стопку.

– Не садись, – пьяно мотнул головой пришелец, – ловя стопкой струйку живительного напитка.

– Юрок! – толкнул свесившего на грудь голову брата Колян после того, как содержимое графина было разлито по стопкам, тарелкам и салатникам. – Не спи, а то замерзнешь! Ик... Ты Федора Николаевича проводывать пойдешь?

– Кого? – поднял тяжелые веки Юрий.

– Кого-кого, – передразнил Колян, вручая брату стопку. – Сына моего!

Трем молодцам собраться, только подпоясаться. И вот, поддерживая друг друга они вышли из дома.

– Лекс, ик... ко мне! Столбиком стоять! Молодец... ик, – хозяин вытащил из прихваченной сумки с выпивкой и закуской палку колбасы и воткнул в зубы стоявшему словно суслик на задних лапах псу. После чего обратился к поддерживающему Юрия гостю: – Леха, садись за руль. Ты же, если что, гаишника заги...ик...нотизировать сможешь?

– Чувак, ты гонишь, – на всякий случай произнес владыка, привычно не понимая вопроса.

– Понятно, – кивнул Колян. – Будем вызывать такси.

– По што? – спросил гость.

– К роддому нас отвезет, – последовал ответ. – А где мой мобильник?

– Нешто ты сам дорогу к избе-рожальне не ведаешь? – подивился Леший. – Так то я проведу.

– Ик... Это чо? – Колян едва не упал, отшатнувшись от замерцавшего перед ними облака белесого марева.

– Где? – не открывая глаз, поинтересовался поддерживаемый владыкой Юрий.

Глава 7

– Терентий! – кликнул владыка, когда они, поддерживая друг друга, вывалились из облака перехода.

– Ик, – икнул Колян, узрев материализовавшегося перед ними лохматого бородача со свежешкуреным двухметровым посохом в руках. Одежду мужика густо покрывали листья и клочки коры.

– Ты кто? – уставился на странного мужика открывший глаза Юрий. – Баба Яга?

Подняв от удивления брови, владыка воззрился на Юрия. Оказывается Яга и в здешних краях известна. Только разве ж она на Терентия похожа?

– Не, – словно услышав мысли пришельца, возразил брату Колян, – он больше на лешего похож.

– На меня-а? – не поверил Леший.

Выпучив глаза, лесовик смотрел на вторгшуюся в его владения троицу. Нет, пьяной компанией его было не удивить. Поди не тверезые людишки весь лес битым бутылочным стеклом усеяли. Но чтобы владыка... Да еще в компании с людишками...

– Чего изволишь, владыка? – все же молвил он.

– Домового изволю, – пошатнулся Леший и хлопнул по плечу Коляна. – У боярина сын родился, а терем без присмотра. Колян, ты как доселе без домового жил?

– Лех, ты со своими гипнотизерскими штучками завязывай, – ни разу не икнув, заявил Колян, – а то я обижусь.

– Н-не обидишься, – возразил брату снова открывший глаза Юрий, – ты же под гипнозом. Давай лучше выпьем?

– Не вопрос, – Колян опустил сумку на землю и обратился к Терентию: – Леший, пить будешь?

Тот вопросительно посмотрел на истинного Лешего, который сам мало что понимал, и от того все больше хмурился. Решив, что вразумлять людишек сейчас не время и не место, он повторно спросил лесовика про домового.

– Дык, я ж сказывал тебе, владыка, что без малого полвека прошло, как тайный народец людской град покинул.

– Чувак, ты гонишь! – грозно воззрился на лесовика владыка, принимая у Коляна пластиковый стаканчик.

– За Федора Николаича! – провозгласил тост оживший на свежем воздухе Юрий.

– Ух, йо-о-о! – оценил проглоченную жидкость Терентий, выхватил у Коляна маринованный огурчик, смачно его схрумкал, почесал шею под бородой и, прищурив глаза, будто бы что-то обмысливая, заговорил: – Была тут недалече деревенька в пять дворов. Давненько там никто не живет, да и хатенки все порушились и бурьяном да подлеском поросли. Одначе когда я туды последний раз навевывался, одна избушка средь зарослей еще стояла. Держалась стараниями домовенка, который не желал покидать насиженное веками место. Токма как просеку прорубили, да трамвай ентот лиликтрический бегать начал, я в ту сторону больше не хаживаю, и там ли тот домовенок, не ведаю.

– Во, мужик загоняет с одного стакана! – восхитился Колян.

– Гипноз, с видом знатока пояснил неожиданно взбодрившийся Юрий, на которого напал похмельный жрун, и он усердно работал челюстями, уминая собранные братом закуски.

Немного отпустил хмель и Коляна. Оценив сгущающиеся сумерки, он заявил:

– Погнали, пацаны, домой. В роддом лучше завтра на трезвую голову отправимся. Сейчас нас туда все равно никто не пустит. Лех, ты куда нас завел? Выводи обратно.

– И то верно, – согласился Леший, – в такой час роженицам да младенцам покой нужен. Зато сейчас самое время домового навестить. Веди нас, Терентий.

– А и отведу, владыка. То мне одному боязно через лилигитрические нити ходить. А теперча-то глядишь, и сызнова волею твоей лес по ту сторону под моей рукой будет.

Совсем уже погрузившуюся в ночную темень лесную поляну озарило бледное сияние матово замерцавшего перехода.

Трезвеющие братья усталились на возникшее перед ними марево. Колян нервно сглотнул, а из открытого рта Юрия выпал только что откушенный кусок сервелата. Из покрывающей одежду лесовика листва вынырнула маленькая мышка, радостно пискнула, метнулась к оброненному куску и принялась торопливо его грызть, виляя от усердия хвостиком.

– Пойдем Колян, – владыка поднял сумку со снедью и повесил на плечо молодому отцу. – Негоже твой терем без пригляда домового оставлять.

– Вона в тех кусточках избушка и была, – ткнул посохом в густую тьму лесовик, когда они вышли с другой стороны. Подойдя ближе, удивленно присвистнул: – Иш ты, цела еще кровелька-то. Токма рухнет вот-вот. Вишь, как ее перекосило.

– Енто что за пень трухлявый туточки каркает, головешку тебе в ухо, да кочерыжку в зад? – послышался старческий голос. – Нешто леший из берлоги вылез?

– Не леший я нонче, – лесовик смущенно глянул на владыку, – нонче я Терентий.

– Кхе-кхе-кхе, – закашляло из темноты старческим смехом. – Одначе в мозгу у тебя Терентий завелся, пень ты трухлявый, коромысло тебе в обе ноздри.

– Ну-ка, выйди-покажись! – потребовал Леший.

– Енто кто? – после продолжительной паузы настороженно спросил голос из темноты.

– Не чуешь либо? – ухмыльнулся лесовик. – Владыка, знамо.

В кустах что-то затрещало, натужно заскрипело, посыпалось и рухнуло, взметнув облако пыли.

– Рухнула хатенка таки, – покачал головой Терентий.

Охая и ахая к пришельцам вышел согбенный старикашка гномьего роста, не дотягивающийся лохматой макушкой до плеча даже низкорослому лесовику. Всмотревшись в строгий лик Лешего, старикашка рухнул на колени и протянул к владыке ручонки.

– Ведал я, что не бросишь ты нас, владыка Велес! Ведал, вернешься и возвернешь все к прежнему укладу, – забубнил он, семеня на коленках ближе к владыке.

А тот нахмурился еще более. Опять его каким-то Велесом именуют. Вот же не только людишки, но и тайный народец здесь неразумный. Тоже, небось, верят во всякое сверх естественное, что обычной волшбой не объяснить.

– Колян, а ты на чем еще свой продукт настаивал, – шепотом обратился к брату почти уже трезвый Юрий. – Что-то это на гипноз не очень похоже.

– Юрок, – так же шепотом отозвался Колян, – на чем бы я его не настаивал, но когда Лекс полы мыл, мы ведь еще ничего не употребляли.

– Это да, – кивнул Юрий, вспомнив историю с Джонином и сплавленную в комок цепь.

Далее братья молча наблюдали, как гипнотизер Леха терпеливо втолковывал лохматому гномику, что он не Велес, а Леший. А Терентий не леший, а обычный лесовик. Хотя, мысли обоих братьев сходились на том, что если кто тут и леший, то это точно Терентий. Но в леших и в прочую чертовщину они не верили, а потому не знали, что и думать, по поводу творящегося вокруг. Не ну, разве может происходить на самом деле то, что они сейчас видят? А видели они, как засветилась желтым светом правая Лехина ладонь, и из нее прямо в гномика шарахнула молния. Гномик засветился, словно лампочка, затрясся, а когда огненный ореол вокруг него померк, рухнул наземь, продолжая потрескивать проскакивающими во всклокоченной шевелюре искрами. Но вопреки опасениям братьев, гномик не умер. Выпустив струйки дыма из ноздрей и ушей, и пару раз моргнув, он неожиданно резво вскочил на ноги. Теперь домовенок

не напоминал того согбенного старикашку, который вышел к пришельцам. Перед ними стоял бодренький такой гномик с бодро топорщащимися жесткой щеткой усами и бороденкой лопа-той. Одет он был в костюмчик из грубой мешковины. На ногах лапти и намотанные до колен онучи.

– От жжёшь, – осмотрев себя, удовлетворенно притопнул лаптем домовенок, – енто ж я веков пять скинул, а то и все десять, три клеща мне на правую ягодицу! Вот токма домишко-то мой рассыпался вовсе.

– Не печалься, домовой, – сгреб его за шкуру Леший и поставил перед Коляном. – Вот его терем всяко лучше твоей сгнившей хатенки. В него и переберешься моим повелением.

– Ой ли лучше? – настороженно осмотрел обалдевшего парня домовой, нагло усомнившись в словах самого владыки.

В другой раз тот испепелил бы наглеца. Но, помня о дефиците в здешних краях тайного народца, вынужден был на первый раз сдержаться. И снова терпеливо принялся объяснять мужичку, что у Коляна родился наследник, а дом без пригляда и все такое. Выслушав, наглый мужичонка отставил ногу, упер в бока кулачки и начал выдвигать условия своего переселения:

– Значится так. Вотета вот я не люблю, – он ткнул пальцем в сумку, висевшую на плече Коляна, и пояснил: – не люблю, когда в доме пьянку пьянствуют. Не люблю, когда мусор мусорят и шум шумят. Все енто безобразие анчуток привлекает. А ежели я токма и делать буду, что их выпроваживать, то когда ж мне хозяйство хозяйствовать, сырец тебе в дымоход, а?

Вконец растерявшийся под строгим взглядом гномика, Колян пожал плечами.

– Теперича далее. Во дворе чтоб плевки не плевать. Не то петухи дохнуть будут, и некому будет нечисть криком отпугивать. Петухи у тебя нонче кричат исправно?

– Нет у Коляна петухов, – вставил за брата Юрий. – Он вообще курей не держит.

– Петуха надобно завести, – не терпящим возражения тоном заявил мужичок. – И пару курочек ему для улады. Оно и мне свеженькое яичко-другое выпить не помешает. Ага, и домочадцам накажи, чтобы каждую ночь под обеденным столом было блюдце с молочком и горбушка ржаного хлебушка. Не то обижусь. Тогда всем мало не покажется. А то и вовсе уйду, и живите тогда сами, как знаете. Та-ак, что еще... Банника и конюшенного ежели нет, я сам подыщу таких, кои мне угодны будут. Шушуны ежели забредут – отважу. А иного, может, и приручу. Иной шушун не хуже цепного пса вора отвадит. Наперво все. Теперича надобно к дому присмотреться. Может что переделать да переставить придется.

– По феншую, – нервно хохотнул Юрий, но гномик на него даже не глянул.

– Ну, – удовлетворенно улыбающийся владыка хлопнул Коляна по плечу, – дай домовому имя и приглашай его в дом.

– Имя? – не понял тот.

– Токма нареки меня благозвучно. Не то в твой дом не пойду.

Юрий что-то зашептал брату на ухо, не сводя косого взгляда с гномика.

– Кузей будешь? – выдохнул наконец Колян и поправился: – В смысле, Кузьмой.

– Кузьма имя ладное, – согласился гномик. – Теперича в дом приглашай.

Слышь, Кузьма, – замялся Колян, – надо ж как-то это... Натаху подготовить... Она у меня с норовом...

– То не печалься, – махнул ручонкой домовенок. – Ежели Натаха твоя хозяйка справная, то я ей помехой не буду. Она и видеть меня никогда не будет. Наш народец вообще людскому глазу не видим.

– А как же я тебя вижу? – удивился Колян.

– Видишь потому, что на то мое желание есть, ибо явился ты ко мне вместе с владыкой Велесом.

– Леший я, – поправил мужичка владыка и снова обратился к Коляну: – Приглашай ужо Кузьму в дом.

– Ну, дак это... приглашаю тебя, Кузьма в свой дом, – после некоторой паузы слегка поклонился гномику Колян. В тот же миг он исчез, словно испарился. Исчез и новонареченный Кузьма.

– Э-э, – отвесил челюсть Юрий, – Леха, ты куда моего братана дел.

– Нешто сам не слышал, как он домового в свой терем пригласил? Вот тот его туда и перенес.

– А я?

– А на кой ты домовому? Ты ж не хозяин и не домочадец.

Юрий затравленно осмотрел окружающий его мрачный ночной лес. Но тут засияло уже знакомое марево.

– Айда и мы за ними, – махнул ему рукой Леший.

Глава 8

– Юрок, рассольчик огуречный будешь? Или стопарик налить?
– Давай сперва рассольчик, – простонал с дивана Юрий. – А ты уже похмелился?
– Ага, двумя таблетками цитрамона. Мне ж за руль садиться. Ты со мной к Натахе поедешь?

– Поеду, – оторвался от банки с рассолом Юрий и, прежде чем снова припасть к живительному напитку, добавил: – Если оживу.

– Юр, – Николай сел на диван рядом с братом, – а этот... Леха когда ушел?

– Фиг его знает. Я, Колян, после твоих настоек вообще слабо что помню. Только бред какой-то вспоминается. Будто мы ночью через какие-то порталы по лесу шарились. Еще леший какой-то был. И еще гном, похожий на домовенка Кузю из мультика. И типа Леха этого гнома к тебе домовым устроил. Прикинь.

– Слышь, Юрок, а мне этот же самый бред снился. Еще этот вредный гном все нудил, чтобы я ему под стол краюху ржаного хлеба к молоку положил. А где я ему ржаного возьму? У меня и молоко-то случайно в холодильнике не прокислое оказалось.

– А в твоём бреду гном Леху тоже Велесом называл?

– Называл. А леший владыкой.

– Колян, ты точно никакие мухоморы в свои настойки не добавлял?

В этот момент на кухне будто бы хлопнула дверка холодильника, и, не успев возмутиться несправедливым подозрением брата, Николай поспешил туда. Юрий, пошатываясь, поплелся за ним.

– кто тут?

– Нет никого, – пожал плечами Николай. – О! Прикинь. Блюдце-то я в натуре под стол поставил. А молока в нем нет. Либо я не наливал, либо... Ты чего застыл, Юрок?

Но брат не ответил. Он смотрел в окно каким-то затуманенным взглядом.

– Чего ты там увидел, подошел к нему Николай и тоже застыл, высоко задрав брови и приоткрыв рот.

За окном, высунув от усердия язык и со степенной неторопливостью переступая задними лапами, Лекс подметал и без того чистую тротуарную плитку невесть откуда взявшейся березовой метлой.

В следующий миг внимание братьев переключилось на стусившееся возле крыльца белесое марево. Из упомянутого несколько минут назад портала вышел высокий бородатый блондин в джинсовом костюме. Глянув на подметающего двор Лекса, он строго погрозил пальцем в сторону дома.

– Ты, Кузьма, пошто безобразничаешь? Самому двор мести лень, так шушуна какого в дворовые определи. А у пса своя служба имеется – сторожевая. Еще раз такое позволишь, накажу.

А пес, заметив блондина, тут же отбросил метлу, встал, как положено на четыре лапы и, радостно виляя хвостом, подставил для почесывания мохнатый загривок. Ласково потрепав пса, Леха поднялся на крыльцо.

– Хозяин дома ли? – громко оповестил он о своем появлении, войдя в прихожую.

– Лех, а ты кто? – вместо приветствия спросил Юрий, когда братья вышли навстречу гостю.

– Леший я, – не задумываясь, ответил гость и на всякий случай добавил: – Леха – имя мое.

Братья молча переглянулись. Леший окинул их оценивающим взглядом и кивнул с пониманием.

– Зрю, больны вы от чрезмерного возлияния. Но, то я поправлю. Негоже в столь непо-
требном виде в избу-рожальню являться, смрадом похмельным на младенцев новорожденных
дышать.

Гость шагнул вперед, прислонил широкие ладони к груди одного и второго брата. Ладони
засветились теплым светом, вливающим бодрость и здоровье в человеческие тела. Лица у
обоих разгладились, дыхание стало ровным и свежим.

– Теперь можно и к твоей супруге отправляться, друже Колян. Мыслью я, тоскует она по
тебе, желая младенца Федора в мужнины руки передать, дабы коснулась и обогрела его любовь
отцовская.

– Колян, если это бред, то мне он нравится, – заявил почувствовавший себя свежим и
бодрым Юрий. – Может, перед походом к Натахе вмажем по стопарику? А?

– Не, я за рулем, – отрицательно замотал головой брат. – Но проставиться персоналу
роддома надо.

– Лех, ты экстрасенс? – почему-то шепотом поинтересовался Юрий, когда Николай ушел
загружать сумку.

– Куда? – не понял Леший.

Парень не нашелся с ответом, и они молча дождались Николая, после чего направились
к машине.

Когда владыка понял, что его новые знакомые собираются ехать к избе-рожальне на само-
беглой карете, то заявил, что проводит их более привычным и коротким путем, и призвал
переход.

Я же говорил, надо выпить, – пробормотал Юрий, скрываясь в мареве вслед за осталь-
ными. Выйдя с другой стороны, он осмотрел окружающий лес и спросил: – А леший где.

– Тут я. Нешто не зришь? – отозвался владыка, шагая через раздвигающийся перед ним
подлесок. Он намеренно открыл переход не у самых врат рожальни, а в подлеске на опушке,
дабы издали узреть убогих привратников и расспросить братьев, как к этим привратникам
относиться.

– О, да мы у роддома! – воскликнул Николай, выйдя из леса, и решительно направился
к вратам.

Леший с Юрием последовали за ним, и они прошли через открытую калитку. К удивле-
нию владыки, топчущиеся невдалеке привратники не удостоили их даже взглядом.

– Е-мое, вот это мы приперлись, – покачал головой молодой отец, остановившись возле
закрытых стеклянных дверей и глядя на расписание часов посещения. – Время-то только
восемь, а посещение с десяти.

– Лех, а ты не инопланетянин? – спросил находящийся на своей волне Юрий.

– В натуре, колись, брателла, ты кто?

Пришелец растерянно воззрился на братьев, не понимая, почему они не могут пройти к
новорожденному, и что хотят от него эти людишки?

– Не возьму в толк, о чем вы молвите? – пожал он плечами. – Отчего ты не спешешь
узреть сына своего, друже Колян?

– Посещение с десяти, ткнул пальцем в расписание Николай. – Ты не уходи от ответа!

– Нешто эти буквицы нас остановят? – Леший с усмешкой глянул на обозначенные на
стеклянной двери часы посещения. В силу своих материалистических убеждений он не верил
в колдовские начертания, потому решительно толкнул дверь. Та не подалась. Понимая, что не
стоит поднимать шум, владыка подавил желание разнести стеклянную преграду вдребезги, а
хотелось аж неведомо, ибо никогда прежде он не бил таких больших стекол. Его взор вновь
обратился на братьев. – В таком большом дворце должно быть много дверей. Надобно обойти
вокруг, где-то да открыто.

– Через другие охрана не пустит, – отрицательно покрутил головой Николай.

– А мы им не покажемся, – подмигнул Леший и накинуд на всех троих морок невидимости.

– Эй, вы где? – встревоженно начал озираться вокруг Юрий. Он отвлекся на пробежавшего котенка, а когда повернулся к спутникам, то с удивлением обнаружил их отсутствие.

– Я здесь, – из ниоткуда прозвучал голос Николая. – Я тебя, Юрок, тоже не вижу. Слышь, инопланетянин, ты, что, нас невидимками сделал.

– Не ведаю, к кому ты обращаешься, друже Колян, но это я накинуд морок невидимости, – произнесла пустота голосом Лешего.

Последовала продолжительная пауза, после которой голос Юрия предложил:

– Колян, давай сперва навестим Натаху, а потом пригласим этого... Леху к тебе и вдумчиво во всем разберемся.

– Не вопрос, – ответил голос Коляна. – У меня есть еще пара настоечек, которые мы не дегустировали.

После краткого совещания голоса решили двигаться к дверям приемного покоя.

Когда проходившая мимо санитарка начала непонимающе озираться, и даже заглянула за кусты сирени, невидимки сообразили, что необходимо соблюдать режим молчания, дабы не вызвать массовое помешательство среди персонала перинатального центра. Леший, способный видеть братьев сквозь морок, посоветовал им взяться за руки, дабы не потерять друг друга в молчании. А он-то уже будет следовать за ними.

В дверях возникло препятствие в виде курившего охранника, обойти которого не было возможности. Недолго думая, Николай поддал ногой металлическую урну.

– Чего это было? – удивился охранник и спустился с крыльца, надеясь разобраться в причине, заставившей вдруг опрокинуться доселе вполне надежно стоявшую квадратную урну.

Мывшая пол в приемном покое санитарка воззрилась на саму собой открывшуюся дверь из предбанника. Дверь начала плавно закрываться с помощью доводчика, но вдруг снова приоткрылась, после чего уже без помех затворилась.

– Сквозняк, что ли? – пробормотала санитарка и непроизвольно отшатнулась от обдавщего ее терпкого запаха мужского одеколона. Она с подозрительным неодобрением покосилась на открытую дверь регистратуры, куда только что вошла старший менеджер центра Коржикова Зинаида. То-то у нее с утра такой помятый вид...

– Лех, ты тут? – шепотом поинтересовался Николай, когда они вышли в безлюдный холл.

– Внемлю, – отозвался Леший.

– Я чего подумал. Ежели мы к Натахе невидимками заявимся, да заговорим с нею, она ж с перепугу второй раз разродится.

– Нешто такое возможно, второй раз чтобы? – не поверил Леший. – Так то бы тебе на радость второй сын али дочь. Но, ежели не желаешь, я загодя морок скину.

– Вот бы местным персоналом прикинуться, – прозвучал голос Юрия.

– Не вопрос, – отозвался владыка, позаимствованной у Коляна фразой.

И в тот же миг в холле материализовалась высокая шатенка в розовой брючной униформе с бейджиком старшего менеджера Коржиковой Зинаиды. Перед ней возникли державшиеся за руки санитарка и копия курившего на крыльце охранника.

– А-а-а, – испуганно шарахнулись друг от друга санитарка и охранник.

Взгляд санитарки остановился на знакомой сумке в руках охранника, в которой звякнули бутылки.

– Колян, это ты? – спросила она голосом Юрия, подозрительно прищуриив подведенный косметическим карандашом глаз.

Охранник нервно сглотнул, окинул взглядом санитарку и в свою очередь осведомился Коляновым голосом:

– Юрок?

Тут дверь из приемного покоя распахнулась и в холл выбежала девушка в синей униформе, несшая в руках кипу каких-то бумаг.

– Здравствуй, – кинула она на бегу и пронеслась было мимо, но резко остановилась и установилась на высокую шатенку. – Зинаид Пална, вы же только что там... я же вас там...

Видя грозно сошедшиеся у переносицы брови шатенки, девушка забормотала еще более невнятно, попятилась и через мгновение ее каблочки уже стучали по ведущей наверх лестнице.

– Лех, – обратился охранник к шатенке, – мы сейчас с тобой роддом в дурдом превратим.

Владыка продолжил непонимающе хмуриться.

– Лех, – выступила вперед санитарка, – ты можешь нас оставить самими собой, только одеть в местные шмотки?

Леший кивнул и облик троих преобразился. Прилично из них выглядел только Николай, облаченный в форму охранника. В принципе, если не заострять внимание на деталях, зеленая брючная униформа санитарки тоже могла сойти для Юрия, если бы не женские туфли с бантиками и бейджик санитарного работника Перилкиной Клавдии. Но вот розовый прикид Лешего в сочетании с туфлями не менее сорок четвертого размера на высоких шпильках...

– Пыф-ф-ф, – не выдержав, прыснул Николай.

В это время загудел останавливающийся лифт, и расположенные рядом с лестничным маршем двери лифтовой шахты начали открываться.

– Леха, делай нас невидимками! – истерически зашипел Юрий.

Когда дородная санитарка выкатила из лифта тележку, груженую отправленным в стирку постельным бельем, холл уже был пуст. Она покатила тележку к выходу во внутренний двор, но послышавшаяся с середины пустого холла мелодия заставила ее остановиться.

– Очарована, околдована, словно с ветром ты в поле повенчана, – запел хрипловатый мужской голос, но песня оборвалась, и уже другой голос заговорил: – Да, Натусик? Кто не звонишь? Я не звоню? А, дык я это, сам тебя навестить приехал. Мы с Юрком, Натусик.

У слушавшей все это тетке все выше задирались брови, и все ниже отвисала челюсть. Ее взгляд шарил по помещению, пытаясь отыскать источник звука. Не найдя его взглядом, санитарка развернула и двинула на звук тяжелую тележку.

– Чего? – продолжал звучать из пустоты мужской голос. – Не надо приходить? Почему сейчас не надо приходить? Да ты чо?! Братцы! Натаху с Федором после обеда выписывают!

– Наливай! – отозвался другой голос.

– Слышь, тетка, да заманала ты со своей тележкой! – возмутился первый голос, постоянно ускользающий от двигающейся на его звук санитарки. После чего он ответил второму: – Не гони лошадей, Юрок. Мне после обеда Натаху с сыном забирать. Надо быть трезвым. Да отстань ты, тетка! Ну прямо, как танк... Лех, сделай уже нас видимыми.

Когда морок невидимости исчез, тетка замерла, вновь отвесив челюсть. Почему-то ее внимание сразу привлек высокий блондин с аккуратной бородкой, одетый в розовую униформу женского персонала и обутый в огромные женские туфли на высоких шпильках. Удивление на лице женщины сменилось гримасой презрения. Громко сплюнув и гордо задрав подбородок, она одним движением развернула тележку к выходу и пошла прочь, на ходу костеря гнилую западную демократию вкупе с голубизной и другими либеральными ценностями.

Глава 9

Узнав о выписке жены, Николай потребовал, чтобы пришелец вернул его домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.